

НАСЫР ФАЗЫЛОВ

ЖАРКИЙ МЕСЯЦ

П о в е с т и

Издательство литературы
и искусства
имени Гафура Гуляма
Ташкент — 1976

Фазылов Н.

Жаркий месяц. Повести. Пер. с узб. Т., Изд-во лит. и искусства, 1976.

288 с.

Предлагаемые читателю повести узбекского писателя Насыра Фазылова достоверно отображают жизнь нашего современника, судьбы нашей эпохи. Темы классовой борьбы, дружбы народов, борьбы с пережитками прошлого, мужества и стойкости наших советских людей — занимают ведущее место в предлагаемых произведениях.

У32

Ф $\frac{70303-192}{352(06) - 76}$ 48—76

ВЕРНОСТЬ ИЗБРАННОЙ ТЕМЕ

Насыр Фазылов обладает счастливым умением — занимательно говорить с читателем — и взрослым, и юным. Сюжеты его динамичны, полны острых столкновений, неожиданностей. При всем при том, — и это, наверно, самое важное, — в произведениях Н. Фазылова достоверно отображена жизнь нашего современника, судьбы нашей эпохи. Много внимания уделяет автор и теме классовой борьбы. Ей посвящена, например, повесть «Домбра старого Суюма».

Шаг за шагом подводит Н. Фазылов своего читателя к выводу о том, что собственническая психология не отмирает сама собой одновременно с ликвидацией эксплуататорского строя. Писатель показывает, как захребетник, подобный богачу Хайдарбаю, приспосабливается к новым условиям, в душе оставаясь, разумеется, заклятым врагом нового общества. Здесь важно отметить, что с еще большей убедительностью показывает автор силу, которая решительно противостоит всем тем, кто не может расстаться с привычкой — жить за чужой счет. С бывшим баем и муллами, их приспешниками вступают в беспощадную схватку трудовые люди и в соответствии с правдой жизни одерживают победу. Это — прежде всего поэт-самородок Суюм и его друг, пастух Аскар.

Нет предела лицемерию и подлости Хайдарбая. Он отправляется, например, сватать дочь убитого по его приказу человека за своего ублюдка-сына и для достижения своих целей не гнушается ни угрозами, ни вероломством, ни ложью. Этим он похож и на других заклятых врагов новой жизни.

Всеми силами вчерашние «хозяева жизни» пытаются сохранить ускользающие привилегии, свое господство над дехканами; они звереют от бессилия и ярости, но само время, показывает писатель, против них.

Сила художественного произведения в том, что значение его не ограничено рамками описанной эпохи.

Вот так и повесть, казалось бы, об уже далеких годах становления Советской власти в Узбекистане будит мысли и ассоциации, касающиеся незатухающих очагов классовой борьбы во многих точках планеты в наше время.

В повести Н. Фазылова с большой силой звучит и другая тема — тема пролетарского интернационализма. Неправедливый социальный строй неизбежно порождает эпидемии шовинизма в самых уродливых формах. Для Хайдарбая не только Суюм-ага, но и богач Ярлыккан — существа низшие, потому что они «казахи, не ведающие мечети». Но рядом автор рисует широкую картину братских отношений между трудящимися — казахами, узбеками, русскими — дружбу, рожденную общностью классовых интересов и революционной судьбы.

Тема дружбы советских народов звучит у Н. Фазылова горячо и взволнованно. Она окрашена лирическим звучанием в повестях «В родном Каркарали» и «Жаркий месяц», действие которых происходит в годы Великой Отечественной войны. Автор показывает эту дружбу как подлинно могучую силу, активно противостоящую фашизму.

События повести Насыра Фазылова «Жаркий месяц» развертываются в небольшом кишлаке. Жители его мужественно переносят

испытания, выпавшие на долю всего народа. Трудоспособные мужчины ушли на фронт. Их место заняли старики, старухи, вдовы, подростки. Нелегко им справляться с работой в поле.

В кишлак приезжают русские, украинские, польские семьи, пережившие ужасы войны, измученные, голодные, выбившиеся из сил. С помощью дежкан эти люди крепнут физически и морально. Они становятся равноправными членами колхоза. Возникает тесная дружба приезжих с жителями кишлака.

Происходит этот процесс, конечно же, не сразу. Обозленная трудностями, тетушка Зулайха обливает грязью чистые чувства, зарождающиеся между Турой и Камиллой, обижает больного мальчика Франтишека.

Да, не каждый способен одинаково стойко переживать тяготы и лишения, которые принесла война. Но в целом, справедливо утверждает писатель, люди из маленького кишлака, как и весь советский народ, выдержали тяжелейшее испытание с честью.

Ни разу не декларирует Н. Фазылов тезис о дружбе народов; он стремится художественно исследовать источник интернационализма, раскрывая прежде всего характеры своих героев и через их поступки убедительно показывает главное: благодаря чему победили мы в тяжелой войне.

Социалистический строй, говорит своим произведением автор, воспитал людей различных национальностей в духе социалистического сознания и интернациональной дружбы. Это нашло отражение в беспримерном героизме солдат на поле боя, в трудовых победах в тылу.

В каждой детали остается писатель верен своей главной теме — теме новых связей между людьми, новой морали, которая в испытаниях и трудностях неизменно укрепляется и побеждает

Пирмаг Шермухамедов

ЖАРКИЙ МЕСЯЦ

Сумей увидеть, сердцем угадай —
Ведь слов не знает он, любви язык.
Сердца соединяет навсегда
Свидания немого краткий миг.

Абай

1

Разгар лета. Время, когда колос ячменя окрасился в цвет бронзы, а колоски пшеницы только еще начали желтеть, и дыни, распустив длинные стебли, сами уже с башмак величиной. Как издавна говорят дехкане: пора, когда толстое вытягивается, а тонкое рвется.

Солнце как будто остановилось в зените — и вся земля задыхается от зноя, а далеко на горизонте проступают серебристые миражи, колышутся, манят к себе... В такие дни все живое даже в тени места себе найти не может. Летом для скотины — отдых, раздолье, но и мука от комаров да слепней.

А для неразлучных друзей Тураджана и Камилы только летом приходит пора настоящего труда. Верно, кое от кого им доводится слышать: «У вас не жизнь — сплошной праздник! Стадо пускай себе пасется, а вам — знай отдыхай на лужку. Кому трудно, так это нам: хлопок сей, и поливай, и окучивай — поясницу не разогни — и кетменем махай, землю ковырай от зари до зари...» Это все правильно. Однако и скот пасти — совсем не такое легкое дело, как иному кажется. Кто видел, поймет. Ну-ка, пусть попробуют те, кто утверждает, что стадо пасти — легкое занятие, хотя бы один только день провести на летнем пастбище без пятнышка тени, когда солнце прямо над головой и, кажется, мозг у тебя растопить готово, да еще нужно побегать за коровами, собрать их вместе, когда они разбредаются в разные стороны! Вот тогда, пожалуй, поймут люди, такое ли это легкое дело, как им представляется. Пусть-ка еще поглотают пыли, которую стадо подымает за

7

собой,— узнают, какие печали, какие тяготы у пастуха в летнюю пору!

Ежедневно в полдень стадо направляется к руслу арыка, к тому месту, где на мели широко разливается вода. В это время и Камила с Тураджаном шагают по глубокой пыли следом за скотиной. Жара, духота, однако на них обоих телогрейки, ватные штаны, кирзовые сапоги. Какого цвета их одежда, определить невозможно, да среди густой пыли трудно и различить, кто из них Камила, кто Тураджан. Камила — единственная дочь, единственный ребенок в семье. По ее повадкам, резвости, по манере говорить не сразу поймешь, что она девушка,— должно быть, от того, что выросла на воле и водилась всегда с мальчишками. Потому-то люди называют ее по большей части не Камила, а Камил.

Гыяс-ака, старший пастух, трусит верхом на ишаке впереди стада, держа путь к плесу на арыке. Старик одет в ватный халат, стеганный изнутри, на голове поношенный лисий малахай. Следом за ним — стадо, а потом уж Камила с Тураджаном. Берег арыка, разлив на мелководье — место отдыха и для скота, и для пастухов. Неторопливо струится вода, вдоль берега кусты ивы. Тень, прохлада... Еще и ветерок набегает временами.

Коровы, едва подойдут к берегу, тотчас кидаются в воду. Жадно пьют и никак напиться не могут, животы у них вздуваются, точно пузыри. Затем одни ложатся и дремлют в тени редких ив, другие дремлют стоя, лишь хвостами лениво взмахивают, отгоняя мух; третьи щиплют траву, неторопливо пережевывают.

Гыяс-ака укрепляет черный от копоти кумган над очагом, сложенным из дерна, и принимается кипятить чай. В это время Камила с Тураджаном, скинув телогрейки, разувшись, моют и трут скребком пеструю корову, что забрела в воду по самое брюхо,— кормилицу семейства Камилы. То и дело Камила с озорным хохотом брызгает водой на Тураджана. Смех у нее звонкий, прозрачный — будто серебряные колокольчики перезваниваются. Тураджан тоже не остается в долгу... Пеструха таращит глаза — похоже, не одобряет озорства подростков. А невдалеке от них Гыяс-ака склонился над кумганом, дует изо всех сил на огонь в очаге, бормочет что-то невнятное. Вот он разогнулся — должно быть, дым от сырых сучьев разъедает

ему глаза. Ладонью смахнул слезы, что катятся по щекам, крикнул:

— Камил! Эй, Камил!..

Со стороны плеса сначала доносится веселый хохот, потом слышится:

— Чего-о?

— Гляди сюда, не знать бы тебе горя!— Он оборачивается, шею вытягивает в сторону арыка, но оттуда по-прежнему только слышатся голоса, смех. Старик бормочет: — Выросли, а все никак не оставят ребячества. Да ведь и уморились день-деньской за стадом ходить. Пусть отдохнут маленько!

Наконец показалась Камила, мокрая с головы до ног.

— Вы нас звали, дедушка?

— Да вот сучья, видишь, у меня сырые. Принесла бы ворох посуше, да еще кизяку...

— Я сейчас!

Бросив лукавый взгляд в сторону арыка, Камила направилась вниз по течению.

Немного погодя и Тураджан подошел с Пеструхой в поводу. Вода струйками стекала с его ватных штанов, протертых и порванных на коленях, с ситцевой, неопределенного цвета, рубахи, прилипшей к телу.

У Пеструхи шерсть гладкая, так и лоснится в солнечных лучах, с раздутого живота на землю струится вода. Тураджан отвел Пеструху в тень, сам подошел к Гыясу, опустился на корточки.

— Ты бы, горя тебе не ведать, скинул рубаху да окунулся бы разок,— советует Гыяс-ака.

Парнишка ничего не отвечает. Появляется Камила с охапкой сухой травы и кизяком. Тураджан кидает в огонь два-три пучка травы, вздымается густой дым — и внезапно пламя ярко вспыхивает. В огонь летят кизячные обломки. Черный от копоти кумган оживает — в нем сначала что-то глухо урчит, потом вода начинает кипеть с громким клекотом. Трое пастухов расстилают дастархан¹ из кустарной ткани на мягкую, пожелтевшую от зноя траву-пальчатку и принимаются за чаепитие. Как обычно, на дастархане одна-две кукурузные лепешки, сыр-пышлак, курт², в тыквенной баклажке айран³. У бак-

¹ Скатерть с яствами.

² Овечий сыр, высушенный в виде шариков.

³ Жидкое кислое молоко.

лажки горлышко накрепко закрыто. Гыяс-ака возит ее постоянно с собой. И Тураджан, и Камила, обычно среди дня, утоляя жажду, отхлебывают из баклажки глоток-другой прямо на ходу.

Чай еще не допит и до половины, а Гыяс-ака уже прилег, облокотившись, на мягкую траву. Его молодые помощники заметили: грустным выглядит старик сегодня. Верно, какая-то тяжесть у него на сердце, словно предчувствие недоброй вести. Это уж так всегда у него: тоска, холод на сердце — значит, обязательно придет недобрая весть. Каждый-то день в эту пору полуденного отдыха он разговорчив, чего только не расскажет. А сегодня при молк. Столько уже времени ни слова не произнес, все думает о чем-то. Камила с Тураджаном только молча переглядываются. Но вот прошло полчаса, что-то, видно, пришло старику в голову, он спрашивает:

— Тураджан, тебе в нынешний год сколько исполнится?

Парень сперва молчит, серьезный вид сохраняет, потом произносит, слегка вздохнув:

— Так ведь я тому Абдугани ровесник...

Камила не выдерживает — заливается звонким хохотом и тотчас ладонью зажимает рот. Каждому в кишлаке известно: точно так же ответил Гыяс-ака, когда его минувшей зимой в военкомате спросили про возраст. Сейчас не разобрать — понял он намек или нет, а может, внимания не обратил, только густые брови насупил.

— Э, чтоб тебе горя не ведать! Да почему я знаю, сколько исполняется твоему Абдугани?!

Камила вовремя смекнула: старик вот-вот рассердится не на шутку. Поспешила ответить:

— Тураджану нынче будет шестнадцать.

— Да нет же! — Тураджан поднялся на ноги. — Откуда ты знаешь?

— Хмм... А вот и знаю! — шаловливо улыбается девушка.

— Ничего ты не знаешь!

— Как так? Семилетку мы закончили в позапрошлом, разве нет? Я в школу с семи лет пошла, семь лет проучилась. — Камила тараторит без умолку. Загибает пальцы, подводит итог: — Семь да семь, выходит четырнадцать? Да после окончания еще два года... Ну-ка сам сложи, ведь всего шестнадцать?

— Я в тот год, когда в школу идти, болел, потому в школу поступил восьми лет, понятно тебе? А в этом году мне семнадцать исполнится.

Камиле возразить нечего. Почему-то она все время считала, что Тураджан ее ровесник. Оказывается, гляди-ка: он старше на целый год!

Гыяс-ака лежал молча, не вмешиваясь в спор молодых, и вдруг тяжело, глубоко вздохнул:

— Сынок мой Мансур был бы живой... сейчас бы ему тоже сравнялось семнадцать...

Молчание воцаряется после этих слов старика. Почему-то вспомнился ему сегодня сын. Двухлетний мальчик умер от кори, после него у Гыяса родились две дочки, а сына больше не было. Сколько раз наблюдал он исподтишка за Тураджаном, за всеми его повадками, ловкими да спорыми. Был бы сын, с какой радостью передал бы ему любимое дело всей жизни — занятие чабана! Остался бы в живых сынок, в собственные руки отдал бы ему чабанский посох... А еще... женил бы его на девушке, вот такой, как эта Камила, а там глядишь, и внуков бы нянчил...

Что-то много обо всем этом сегодня раздумывает старый Гыяс-ака. С чего бы? Должно быть, залюбовался юношеской статью Тураджана, девичьей прелестью Камилы. А может, чистая, простодушная, безгрешная дружба между парнем и девушкой пробудили в нем подобные мысли? Возможно, и так — разве в точности дознаешься?

Тураджан и Камила еще немного посидели молча и вскоре как будто забыли про Гыяса. Безделье им наскучило. Тураджан схватил с дастархана шарик курта, попробовал разломить — силы не хватило. Тогда он поднялся с места, взял свою телогрейку, из кармана достал перочинный нож, вернулся на место, раскрыл нож и раскрошил шарик, один ломтик протянул Камиле, другой Гыясу... В тот же миг девушка ловко выхватила у него нож.

— Отдай,— протянул руку Тураджан.

— Хм... Посмотрим, как ты возьмешь!

— Отдай, говорю!

— Ага, вот и не отдам! — смеялась Камила.

— Дай сюда! — парень вскочил на ноги, Камила тоже — и бегом к арыку. Тураджан в три прыжка догнал ее.

— Отдашь или нет?!

— Силы достанет, так возьми.

— Эй, чтоб вам горя не ведать! — поднимая голову от земли, окликнул их Гыяс-ака.— Хватит! Разыгрались, пыль столбом, дым коромыслом... Игра не доводит до добра, верно сказано!

А в это время Камила с Тураджаном, ухватившись за руки, силились перетянуть один другого и оба все ближе придвигались к воде. Не успел Гыяс во второй раз крикнуть — мол, будет вам! — оба плюхнулись прямо в воду.

— Эх, чтоб ей, вашей потехе! — выругался, вскакивая на ноги, Гыяс-ака.

Камила первая проворно выскочила из воды. Перочинный ножик она так и не выпустила из рук.

— Стой же, тебе говорю! — крикнул парень, стараясь устоять против течения.

— А вот и не отнимешь, хи-хи! — обернулась Камила, и сама бежать вверх по берегу арыка. Когда Тураджан выбрался на сушу, он замер от удивления.

— Раис-бобо¹.

По дороге со стороны города приближался одинокий всадник. Гыяс-ака вышел ему навстречу. Сгорая от стыда, Тураджан кинулся собирать и выжимать разбросанную по берегу мокрую одежду.

Подъехав, раис спешился, отпустил гнедого иноходца пасться, сам присел на корточки возле дастархана. Председатель колхоза, человек уже в годах, носил имя Юлдаш, но только ровесники да еще немногие старцы, такие, как Сали-аксакал, называли его по имени или уважительно: Юлдаш-бай, Юлдаш-аксакал². Все остальные звали его просто раис-бобо. Он и сам к этому привык.

Сегодня председатель, обычно неутомимый, добрый, выглядел встревоженным.

— Абдугыяс, как дела? — окликнул он пастуха. Это у него повадка такая: к кому бы ни обращался, перед именем обязательно прибавить по-старинке «Абду»³.— Если чай горячий, налей чайку.

¹ Председатель колхоза, бобо — дедушка, почтительное обращение к пожилому.

² Старейшина, букв. «белая борода».

³ Арабск. «раб», т. е. «раб аллаха», начало многих мусульманских имен, ныне чаще употребляемых без этой частицы.

Гыяс-ака нацедил из своего закопченного кумгана чаю в деревянную плошку, протянул раису. Тот отхлебнул, удовлетворенно покачал головой:

— Вот, я всегда говорю: чай из кумгана вкус имеет особенный...

Он неторопливо выпил до дна всю плошку, каждый глоток сопровождая прочувствованным «да-а». Такой чай был привычным и для самого Гыяса. Потому-то похвалы раиса его не удивили. «Истомился. День-деньской на коне, под солнцем», — глянув на него, подумал старик. Раис-бобо допил чай, а плошку, сам того не замечая, протянул Гыясу и спросил:

— Ну как, слепни коров не очень донимают? Далеко еще до времени, когда появятся оводы?

— Пока спокойно, — отозвался Гыяс-ака, снова наливая чай из кумгана в плошку. — Боюсь, как бы вот-вот не появились.

— Молодые справятся, — проговорил раис, о чем-то, видимо, размышляя. Обычно в подобных разговорах председатель старался подбодрить старика: дескать, ты, Гыяс, — прирожденный чабан, и нет в этом деле для тебя неразрешимых задач, с тобой стаду не страшны ни оводы, ни даже волки... А вот сегодня лишь заметил коротко: «Молодые справятся...» В чем дело? Почему он самого Гыяса не помянул? Считает, что все эти заботы ему не по силам? Почуввав недоброе, Гыяс-ака вопросительно уставился на председателя. Тот, должно быть, ради того, чтобы перевести разговор на другое, окликнул Тураджана, который на берегу выжимал свою намокшую телогрейку: — Эй Абдутура, да ты весь мокрый! Все ли у тебя ладно? А где Абдукадил?

— Здесь, — пряча смущение, отозвался парень.

— Ну, добро, если так, приглядывайте за скотиной. А мы с Абдугыасом потолкуем маленько... Да, вот еще что, Абдутура: ты с Гнедого тихонько сними потник да седло, в воду его заведи, обмой, пусть отдохнет, бедняга. Сперва остуди его.

— Ладно...

Тураджану хотелось уйти как можно дальше от того места, где беседовали старшие. Он живо разнуздал Гнедого. Бедный конь в самом деле уморился. И, должно быть, проголодался: даже войдя в воду, тянулся мордой к траве, щипал, с хрустом пережевывал, то и дело взмахивал

хвостом, защищаясь от комаров. Тураджан сперва окатил коня водой со спины, затем принялся скребком водить ему по шее, груди, бокам. Гнедой перестал шипать траву, только потряхивал головой да легонько взмахивал хвостом, блаженно щурил глаза, явно испытывая удовольствие.

Как следует вымыв и выскоблив коня, Тураджан повел его к берегу. Гнедой энергично встряхнулся, так что брызги разлетелись по сторонам, громко зафыркал, заржал и принялся царапать землю копытом.

— Ага, ожил немножко, бедняга!

Тураджан глянул туда, где сидели раис-бобо с Гьясом,— оказалось, они встали и оба направляются к нему.

— Погоди маленько, пусть пообсохнет,— посоветовал Гьяс-ака.— Еще рано седлать... Вон шерсть на спине и крупе мокрая.

— Где у меня время ждать, пока обсохнет? — отозвался председатель.— Ну-ка, Абдатура, давай седло!

Вскочив на оседланного иноходца и взяв поводья, раис-бобо коротко бросил Гьясу:

— Вот так! — и рысью помчался в сторону кишлака.

Понурившись, старик глядел ему вслед. По всему его облику без труда можно было догадаться: председатель поведал ему нечто весьма и весьма важное.

— Камила где, не вернулась?

Тураджан только плечами пожал.

— Так, значит, Тураджан. Важное дело у меня. Сейчас я уеду. А ты скотину потихоньку сгоняй к дороге. Солнце-то уже к закату... Темнеет сейчас поздно, время еще есть. Ишака мне заседлай.

— Хорошо.

...Тураджан проводил Гьяса, подсадив его на ишака, подав хурджун¹ с припасами, потом завернул стадо, а Камилы по-прежнему не видно и не слышно. Что это с ней такое? Неужели притаилась где-нибудь, оттого что боится Тураджана? Так не довольно ли прятаться?

И он решил сам еще немного попугать девушку. На цыпочках, прячась за кустами, двинулся вверх по арыку. Сделав шаг, останавливался, внимательно разглядывал густые заросли на берегу, стараясь не шелестеть ветками ив, снова осторожно продвигался вперед. Того и гляди, из-за куста вынырнет Камила.

¹ Переметная сума из ксвровой ткани.

Каждую секунду ожидая этого, Тураджан с предельной осмотрительностью то крался вдоль берега, то вдруг замирал на месте, прислушивался, оглядывался. Вот словно что-то плюхнулось в воду... Тураджан все внимание устремил в сторону, откуда донесся звук. Опять всплеск воды... «Ага, Камилбай, теперь-то ты мне попался!..» И он присел, притаился за стволом ивы. Отсюда он ее сейчас и напугает... Неслышно раздвинув ветки дерева, взгляделся — и вдруг оторопел, застыл на месте. Перед ним, шагах в десяти, Камила только что вышла из воды. Вышла нагая. Будто не поверив себе, он зажмурил глаза, снова раскрыл: все та же картина!

Так вот какое чудо скрывается за неуклюжей рабочей одеждой подпaska — грубой телогрейкой, ватными штанами, кирзовыми тяжелыми сапогами!

Неслышно поднявшись на ноги, он, словно против воли, шагнул вперед — раз, другой... А в сознании только одно: «Камилбай... да ведь она же девушка!..»

Конечно, он узнал это не сейчас. Но уж очень по-мальчишечьи Камила себя вела столько лет, и все вокруг словно забыли, что она — не мальчишка. Тураджан тоже забыл.

Охваченный волнением, Тураджан даже не замечал, как все более и более приближался к Камиле, неподвижно стоящей у самой воды. Вдруг она подняла голову, взгляд ее упал на Тураджана...

— Уходи! Уходи прочь! — едва придя в себя, закричала она.

Громкий вскрик девушки как будто пробудил его от забытья.

— Убирайся, тебе говорю!

И Тураджан послушно отвернулся, рассеянно побрел прочь. Точно его избили палками до полусмерти... Он волочил разом обессилевшие ноги. Сон это или явь? Что же произошло?

Остановился на прежнем месте, над плесом, мысли разлетались, он весь горел, точно в лихорадке.

Наконец, немного пришел в себя, нагнулся, взял в руки посох. Принялся гонять застоявшихся коров — им, после многочасовой жвачки без движения следовало поразмяться немного...

Когда все стадо, рассеянное по лугу, начало собираться возле дороги, со стороны арыка показалась Камила —

все в той же неуклюжей фуфайке и ватных штанах, на ногах тяжелые сапоги, на голове выцветшая ушанка. В руках посох — им она подгоняет коров, слишком удалившихся от стада.

«И это та самая Камила... Она же вот только что...» — проносится в мыслях у Тураджана. Но поднять глаза, взглянуть на девушку он так и не осмеливается.

2

В то самое время, когда Тураджан завел гнедого иноходца в арык и принялся окатывать водой, Гыяс-ака просительно глядел на председателя: что, мол, скажешь? Раис-бобо прилег на траву, сперва помолчал немного, а потом заговорил медленно, веско:

— Такие, значит, дела, Абдугыяс. Опять повестка тебе...

Старый чабан не шелохнулся. Только в мыслях промелькнуло: «Первый раз вызывали, да назад отправили: дескать, глаза не годятся... А теперь заберут, ясно. Дошла очередь до таких, как я. На войне, значит, дела плохи...»

Оба долго молчали, как будто придавленные внезапно свалившейся на них грудой камней. «Если мне уходить, — размышлял Гыяс-ака, — худо скотине-то придется».

У раиса было другое на уме: «Если война до такого накала дошла, что же это будет с государством-то нашим? Уже два года, как идет война. И всюду ее следы... вот как у нас в колхозе... Все джигиты, годные к труду, у кого сила в поясице, — ушли, взяты, призваны. Работу пришлось взвалить на женщин, старух, стариков, вроде меня, на таких, как Тураджан. Да и тем, кому вот-вот наступит срок идти в солдаты... Ох, только бы добром все кончилось!»

— Тяжело! — наконец промолвил раис-бобо с горестным вздохом, в единое слово вложив все, что скопилось на душе.

— Да, аксакал, тяжело будет скотине, — сразу отозвался Гыяс-ака. Он продолжал думать о своем.

— Эх, Абдугыяс! — председатель вдруг заволновался. — Не то говоришь. Скотине какая беда? Вон кому тяжело! — Он кивнул в сторону Тураджана, который купал Гнедого в арыке. — Сейчас им самое бы время учиться, набираться знаний. А они следом за скотиной пыль глота-

ют да навоз топчут... Дети ведь совсем, косточки еще не окрепли!

Гыяс-ака не осмелился возразить. Немного погодя раис-бобо оперся локтем о землю, начал подниматься, опять заговорил:

— Значит, так, Абдугыяс. Возвращайся в кишлак пораньше и готовься. А я поеду. Наш колхоз должен принять еще три-четыре семьи из тех, кого война с родных мест согнала. Нужно пристанище им подыскать...

Он сел на коня и уехал. «И ему тяжело, бедному старику,— глядя вслед председателю, размышляя Гыяс-ака.— Вон до каких лет дожил, а покою не знает. Двоих сыновей отправил на войну. На младшего, Каримджана, уже и «черная весть» пришла, несчастного отца горе сломало».

Ближе к закату зной немного поослаб, но все равно воздух оставался горячим, неподвижным, дышалось трудно. От этого, а может, после нелегкого разговора с председателем, у Гыяса обильный горячий пот выступил по всему телу. Он ощущал смутную тревогу, непривычную дрожь в сердце. После отъезда председателя он хотел было еще немного полежать на траве, прийти в себя — однако не лежалось. Он поднялся и побрел к коровам — они недвижно стояли возле плеса, лениво пережевывая жвачку. Обошел их всех, что-то бормоча себе под нос. Все это казалось очень удивительным Тураджану, наблюдавшему за старым чабаном.

...И вот Гыяс-ака трясется в седле верхом на сером ишачке, направляясь в кишлак. Теперь можно в одиночестве поразмыслить о том о сем... Все необходимые наставления он уже дал на прощанье Тураджану. Камила, проказница, запропастилась куда-то.

...Чабану обычно спешить некуда: шагай себе потихоньку вслед за коровами, которые всю дорогу щиплют траву. И Гыяс не погоняет своего вислоухого — то ли потому, что за долгие годы привык не торопиться, то ли слишком углубился в раздумья. Серый ишачок трусит неспешно, спина у него прогнулась — как будто тяжелые раздумья хозяина повисли грузной ношей на луке седла. «Горя б тебе не ведать!» — время от времени бурчит Гыяс-ака, неизвестно к кому обращаясь, пятками слегка ударяет ишака под ребра и мало-помалу приближается к кишлаку.

Гыяс — старший пастух, ответственный за колхозное стадо; Камила и Тураджан — подпаски, его помощники.

Человек он простой, даже немного наивный: порой скажет слово — сам не смеется, а все кругом прийти в себя от смеха не могут. «Чтоб тебе горя не ведать!» — это в его устах то благопожелание, то проклятье самое тяжелое, смотря по обстановке. Простосердечный человек, доверчивый — хотя ему уже без малого пятьдесят. Вот теперь его в военкомат вызывают вторично. В первый раз он как отправился в город, пеньковую торбу взвалив на спину, так и вернулся обратно. Признали негодным к военной службе. Причина в том, что смолоду и до нынешних лет Гыяс-ака болеет трахомой.

...Старик улыбнулся в усы — должно быть, вспомнилось, как в прошлый раз приезжал он в военкомат.

Тогда был самый разгар зимы, всюду плотный белый-белый снег. На ветвях кустов, деревьев хлопьями повис серебряный иней. Погода ясная, и даже солнце как будто припекает, но на открытых местах прохватывает резкий морозный ветер. Без пощады щиплет, жжет уши, нос. Парни и мужчины в годах, призванные в армию, отправились из кишлака в город на большой, вместительной арбе с подножками.

Подъехали к просторному двору военкомата — громадные колеса арбы скрипели на смерзшемся снегу, точно городские лакированные ичиги. Въехали в ворота, остановились. Парни ловко спрыгнули наземь, последним спустился Гыяс, волоча свою туго набитую торбу. Оглянувшись, отыскал дерево с краю, возле забора, прислонил к нему торбу, сам опустился на корточки. Чего только тут нет, на широком дворе, где грязный снег утопан сотнями ног! Народу — тьма, все громко говорят, перекликаются, руками машут. Неподалеку от ворот коновязи. Тут ишаки, лошади всех мастей — копытами снег разрывают. На дворе множество женщин, стариков и старух — пришли проводить своих близких или же собственными ушами выслушать решение комиссии. Иной горько плачет, повиснув на шее у сына или мужа, брата, иной, провожая уходящего, второпях что-то втолковывает ему на прощанье, иной принес немудреную домашнюю снедь и теперь угощает парней-призывников, не различая своих ли, чужих. А вон, чуть поодаль, заливается на высоких тонах гармошка, русские парни и девушки что-то поют нестройным хором, в лихой пляске утаптывают снег... Высокий русский парень в сторонке прижимает к себе. долго и страстно целует мо-

лоденькую женщину, светловолосую, миловидную, — на-
верное, жену.

Из дверей военкомата то и дело выходит человек в во-
енной форме, кого-то выкликает по именам и фамилиям.
Его не слышно во всеобщем гвалте — тогда он кричит сно-
ва, погромче. Вызванный отправляется следом за ним
в здание.

— Абдураим, — обращается Гыяс-ака к односельчани-
ну, что приехал вместе с ним. — Чего это он кричит?

— На комиссию вызывает, — парень взволнован, рас-
саживает взад-вперед, беспрестанно дымит махоркой.

— Нас не вызывал еще?

— Вызовет... — Абдураим на мгновение остановился,
точно его разбудили, с удивлением глянул на Гыяса.

— Ты будь настороже, как бы нам не пропустить.

Парень так и не может понять, шутит Гыяс-ака или
говорит всерьез. Странная вещь! Прислали повестку
с указанием имени — как же теперь могут не вызвать?

...Гыяс-ака задумался и не заметил, как задремал. Про-
снулся от толчка. Абдураим склонился к нему.

— Вставай! Вызвали.

— Кто? Куда?

— Куда же еще? Вон туда, где комиссия.

Схватив свой мешок и не глядя по сторонам, Гыяс-ака
заспешил к двери, за которой только что скрылся воен-
ный. Абдураим, посмеиваясь, глядел ему вслед.

Войдя в просторную комнату, где сидели и стояли лю-
ди в военной форме и в белых халатах, в том числе
несколько женщин, Гыяс прежде всего скинул на пол свой
туго набитый мешок — он гулко стукнулся об пол, все
обернулись с удивлением, потом заулыбались. Гыяс-ака
огляделся: прямо перед ним за столом — военный в очках,
а над очками розовая кожа черепа, волос нет. Белый халат
небрежно накинут, на столе — бумаги, бумаги... И он что-
то в них торопливо черкает. По правую руку от него —
парни-призывники, человек пятнадцать, да все голые,
в чем мать родила! Стоят в очереди к женщине-врачу
в белом халате и шапочке. «Гляди-ка! — Гыяс от стыда
и смущения покраснел, будто свекла. — Перед женщиной
и мне, значит, раздеваться? Неужто?!»

...Гыяс-ака вовсе не замечал, что в комнате на него все
смотрят с улыбкой, а иные с трудом сдерживают смех,
разглядывая его неуклюжую одежду и громоздкий мешок,

прислоненный к стене. Военный строго, удивленно глянул сквозь очки на Гыяса, на его мешок, спросил по-русски:

— Это что такое?

Гыяс-ака в растерянности посмотрел на одного, другого.

Одна из сестер, татарка, сообразила: этот чудной человек из кишлака, по-русски не понимает.

— Он спрашивает,— пояснила она,— что у тебя в мешке?

Гыяс поглядел на свой мешок. Когда услышали, что его призывают на войну, супруга, тетушка Шарифа, весь день перед отъездом мужа пекла дома лепешки. Ведь Гыяс был уверен, что едва приедет в город — его на поезд — и до свиданья. А какая-то комиссия — этого ему и во сне привидеться не могло бы...

— Хлеб,— ответил он, глядя прямо в очки строгому военному.

Все вокруг дружно расхохотались. Сдержался только военный в очках.

— Ох, артист! — проговорил он, подавляя улыбку. — Ну, ладно. Давай военный билет.

Гыяс снова обернулся к сестре-татарке.

— Военный билет давай, говорит.

Гыяс-ака нагнулся, из-за правого голенища вытянул пакет — несколько слоев бумаги, а внутри военный билет, колхозная трудовая книжка. Развернул, билет отдал военному. Тот глянул: что такое? Верхняя обложка, два-три листка... Где же вторая половина?

— Это что? — строго посмотрел он сквозь очки на Гыяса. Тот снова обернулся к сестре.

— Что это, он спрашивает,— с улыбкой пояснила та. И ее улыбка придала Гыясу смелости. Он решил отвечать сам.

— Белат,— проговорил он уверенно.

— Ясно, что билет,— не дожидаясь вопроса, опять вступила в разговор сестра.— А где вторая половина?

— А, половина? — Гыяс-ака без робости глянул военному прямо в очки. Видно, ему больше не хотелось, чтобы сестра отвечала за него. Он решил отвечать сам, хотя по-русски мог с трудом выговорить лишь несколько слов: — Я его... сундук палажит. Верно? Там... ему палавын мыш гырызат... верно?

— Что, что? — военный даже приподнялся, теперь и он не мог больше сдерживать улыбку. А Гыяс-ака, ободренный тем, что его поняли, с жаром принялся уточнять:

— Товарш началнык, мыш гырызат, понымайш? Палавын астайт, панымайш?

— Ладно. Все ясно,— военный опять посерьезнел. Он мельком глянул на окружающих — те мгновенно оборвали смех, иные ладонью прикрыли рот, другие отвернулись,— видно было, как от смеха вздрагивают плечи. Очкастый повертел в руках военный билет Гыяса,— оказалось, и на первой сохранившейся странице почти ничего невозможно было разобрать. Он посмотрел на Гыяса, который молча переминался с ноги на ногу, и спросил коротко:

— Фамилия?

— Отца как звали? — тотчас вмешалась сестра.

— Мамасали.

— Твое имя?

— Гыяс...

— Год рождения? — опять спросил военный, сестра перевела.

Тут Гыяс-ака смутился окончательно. Сестра повторила вопрос.

— Я, значит, Абдугани — ровесник,— обратился к ней Гыяс-ака.— Ну, знаешь того Абдугани, что из Кариза...

Абдугани из Кариза?! Откуда ей знать Абдугани из Кариза?! Попыталась было объяснить очкастому, о чем он толкует, но тот лишь устало махнул рукой: на медосмотр. В общем, признали в тот раз Гыяса негодным к военной службе, но предупредили: возможно, вызовут еще раз. Так и вернулся Гыяс-ака в родной кишлак, торбу свою даже не развязав. И вместе с ней привез прозвище, которое прилепили ему кишлачные остряки, проведавшие обо всем, что случилось на комиссии. Стали называть Гыяс-ака Панымайш-ака.

Сейчас он вспоминал обо всем этом — и сердце сжималось от недоброго предчувствия. «В тот раз обошлось, а уж теперь-то, наверное, заберут...»

Сколько он себя помнил, с самого детства ходил за стадом. Как будто и родился только для того, чтобы стать чабаном на всю жизнь. Односельчане теперь уже просто не могли себе представить стада без Гыяса или его самого — отдельно от стада за каким-либо другим занятием.

Он сам, да и все окружающие были уверены: ни для какого иного дела он попросту не годится. А для него и нет во всем кишлаке более важной работы, чем чабанская. Верно: без скота дехканам не прожить. Особенно в такое время, как нынешнее! Что поддерживает человека теперь, в военные годы, когда во всем не достача, еды не хватает? Конечно же, молоко, свежее и кислое! Без молока, масла, куртажить тяжело, ох как тяжело!.. Именно об этом размышлял Гыяс-ака, когда в разговоре с председателем у него вырвалось: «Что-же дальше-то будет?» Да, что же будет? Управятся ли со скотиной Тураджан и Камила? Сумеют, нет ли вполне заменить его, Гыяса?

Да, на этот раз его заберут непременно. Чем он хуже других? Только вот глаза немного подвели. А сил хватает, не меньше, чем у иного джигита... Верно, попросить надо, чтобы Камиле с Тураджаном дали в подмогу еще одного человека. Но кого? Все трудоспособные на поле. Рабочей силы в колхозе нехватка. «Погоди... погоди... — думает Гыяс. — А ребятишки вот эти, которых из-за войны в кишлак привезли... Не вышли б из них помощники чабанам? Вон, сын того старика... Эх, как бишь его зовут, горя б ему не ведать... А, Серги! Парнишка с виду крепкий, да и проворный, смысленый...»

Эта простая мысль так обрадовала Гыяса, будто он слиток золота нашел. Сам не заметил, как приблизился к дому. Серый ишачок, не понукаемый хозяином, направился привычным путем к садовой калитке. А она узкая, низенькая. Ишак втиснулся в нее, не сбавив скорости, Гыяс-ака, чтобы не расшибить себе лоб, откинулся назад — и вылетел из седла. Хорошо, земля мягкая, копытами взрыхленная, да и на самом ватный стеганный халат. Не то бы... Как говорится: с ишака упасть — хуже, чем с коня. Что-нибудь неладное случится, верная примета!

Одна нога у Гыяса застряла в стремях. Ишак, постояв немного в задумчивости, двинулся дальше — к стойлу, где его всегда ожидал корм, и поволок хозяина по земле. С трудом Гыяс-ака высвободил ногу, поднялся, ворча: «Э, чтоб тебе!..» Ладонями принялся выбивать пыль из халата. В это время, привлеченная непривычным шумом, выбежала тетушка Шарифа, всплеснула руками.

— Вай, горемычный, да что это с вами?

— Что, что... Ничего такого... Опять вызывают меня.

Шарифа так и обмерла, где стояла, только скорбным взглядом проводила мужа. А Гыяс-ака размышлял в этот момент лишь об одном: как бы скорее раису высказать то, что он надумал насчет помощника подпаскам.

На Камилу Тураджан даже мельком глянуть не осмеливался, а в сердце не унималось волнение, и мысли, сколько он ни силился, никак не мог привести в порядок. И ответа на свой вопрос отыскать не умел. Как же это? Они родились в одном кишлаке, вместе учились в школе, в одном классе, дружили, всегда вместе играли... И вот — один только миг, случай теперь разрушают эту дружбу, которая, казалось, дороже золота?!

Так неожиданно все привычное — в клочья... Страшная тоска на душе.

Он украдкой глянул в ее сторону. Камила, одетая как обычно в грубую телогрейку, в задумчивости брела позади стада. На какой-то миг у Тураджана потеплело на сердце: все как прежде. И все же... Того, что было, больше нет и не будет! И он уже не отважился бросить на Камилу еще один взгляд, хотя бы тайком...

Так он и брел следом за стадом, не замечая ничего вокруг, погруженный в раздумья, ощущая в душе то горечь, то острую тоску, не в силах собрать и привести в порядок мысли, не зная, как быть дальше. Очнулся, когда уже приблизились к самому кишлаку.

Обычно возле околицы коровы прибавляют шаг. И пыль, которую стадо вздымает за собой, тут расплывается густою тучей, так что в ней человек человека не может разглядеть. Каждый день Камила с Тураджаном бодро идут вслед за стадом, громко разговаривают, шутят, весело смеются, а сегодня их не слышно. Едва стадо показало на улице, встретила ватага ребятишек. Пришли встречать коров, ищут своих, шумят, визжат, пыль подняли еще больше. Наконец разобрались, каждый погнал свою скотину к дому.

Стадо еще не все разошлось, когда подошли к зданию сельсовета. И вдруг впереди какое-то смятение. Доносится шум голосов, чей-то громкий плач. Вроде один убегает, другие за ним гонятся, ругают его... Ничего не разобрать издали, среди густой пыли. Наконец приблизились. Теперь Тураджан разглядел, что происходит. Оказывается, убегает с плачем мальчишка-поляк Франтишек, из беженцев, тех, кого в кишлаке поселили из-за войны. За мальчи-

ком с воплями и проклятиями гоняется Зулайха, родственница Гыяса. Тут же целая ватага кишлачных мальчишек — одни вроде бы помогают Зулайхе поймать Франтишек, другие бегают и галдят просто ради забавы. Стадо приблизилось — и Франтишек в отчаянии, видя, что ему не спастись, кинулся к коровам, забился в самую середину. Но и Зулайха не отстает — в руках палка, так и рвется следом за мальчиком, ее помощники тоже стараются... Бедняга чувствует: не убежать. В последнюю минуту увидел Тураджана — и к нему со всех ног. Парень ни о чем не успел подумать — инстинктивно заслонил мальчика от Зулайхи, прижал к себе. То ли мгновенную жалость к нему ощутил, то ли негодование к преследователям — столько народу против одного... Худенький мальчуган, прижимаясь к его телогрейке, дрожал всем туловищем, округлившиеся сверкающие глаза, от страха готовые выскочить из орбит, с надеждой впились парню в лицо.

— Вы чего? — Тураджан, придерживая мальчика, ступил навстречу Зулайхе. — За что бьете? Что он вам сделал?

— Что бы ни сделал, тебя не касается! Прочь отсюда, не то плохо будет!..

— Объясните, наконец, в чем дело?!

— Прочь, тебе говорят!..

— Да он сюзьму¹ стащил, — будто невзначай бросил чернявенький мальчуган. И верно, у Зулайхи, в руках мешочек, в каком отцеживают сюзьму. Похоже, он повалился на земле — одна сторона в глине, сюзьма сочится из отверстия, мешается с грязью... В это время подошли кое-кто из взрослых, и Зулайха принялась кричать на всю улицу:

— Житья нам не стало от этих проклятых! Мало тут своих оборванцев... — это она поносила эвакуированных, односельчан подстрекала против них.

Видимо, и в самом деле Франтишек был виноват. Почему же Тураджан, не колеблясь, защитил его? Разве воровство не грех? Почему он пожалел маленького воришку? Не раздумывая над этим, Тураджан по-прежнему не отпуская от себя мальчика, прикрывая его от разъяренной Зулайхи. В чем же дело? Пожалел ли он изгнанника, бездомного? Или жалость у него в сердце пробудила

¹ Творог.

беззащитность этого щуплого мальчишки — одного среди чужих? Так или иначе, сострадание руководило поступками парня. Сам он этого, правда, не осознавал вполне. Только, уже минуто спустя, мелькнула мысль: да разве этот несчастный сам пришел к ним в кишлак? Если б не война — что ему делать в здешних краях? Ведь он просто голодный. Нужно ему хоть чем-нибудь голод утолить!

Эти мысли постепенно прояснялись в сознании Тураджана, но высказать их он не мог — дрожал от волнения или от гнева и все прижимал к себе Франтишека, тоже не издавшего ни звука. Зулайху Тураджан все-таки не решился оскорбить недобрым словом: ведь недели не сравнялось, как она получила «черную вест» о своем муже... В тоске, в отчаянье женщина себе места не находила, только и выскивала, кого бы очернить, обругать, на ком выместить злобу. Сюзьма — всего лишь предлог. Вообще-то она вовсе не была склонной приходить в ярость по пустякам.

Встретив неожиданное сопротивление, Зулайха сперва опешила, потом снова ринулась с палкой на Франтишека, пытаясь обойти Тураджана слева. Парень преградил ей дорогу.

— Чтоб тебе умереть молодым! — осознав свое бессилие, завопила Зулайха, кулаками размазывая слезы по щекам. — Так ты немца этого защищаешь от меня, от меня!..

— Тетушка, это не немец.

Вот, оказывается, что: Зулайха считает немцами семейство несчастных беженцев-поляков! Не помня себя, она подняла палку, намереваясь швырнуть во Франтишека... В этот самый миг из домика правления колхоза вышли председатель, Гыяс-ака, еще трое-четверо мужчин; они, услышав шум, спешили выяснить, что тут происходит. Тураджан глянул на них, забыв на мгновение про опасность, — и палка Зулайхи с треском обрушилась ему между лопаток... Тут же, невесть откуда, между ним и Зулайхой появилась Камила.

— Тетушка! — в ее резком вскрике звучали горечь и стыд.

— Прочь, негодница!..

— Тетушка...

— А, и ты тоже его защищать?! Чтоб ты подохла! Вот, значит, ради чего ты вместе с ним ходишь за стадом?! Снюхались уже небось, да?..

— Тетушка,— в последний раз попыталась Камила урезонить ее. Но вдруг слезы брызнули из глаз, девушка резко повернулась и побежала прочь.

Последние слова Зулайхи многим запали в сознание, одних удивили, других возмутили.

Франтишек, по-прежнему сотрясаемый крупной дрожью, стоял съезжившись за спиной Тураджана. Зулайха продолжала выкрикивать проклятья.

— Невестка,— внезапно подошел к ней вплотную раис-бобо.— Что это ты? Нехорошо! Мы знаем, тяжело тебе. Муж погиб... Всему кишлаку горе, поверь! Что поделаешь, война...— Он говорил негромко, медленно, веско. Ему внезапно вспомнилась «черная весть», пришедшая на его сына Каримджана, комок подступил к горлу... Подавив горестный вздох, председатель опять заговорил: — Разве в кишлаке тебе одной пришло скорбное известие? А ты, невестка, вымещаешь вину на тех, кто неповинен. Ведь этот мальчик — поляк. Несчастные, они тоже из-за войны лишились домов, в чужих краях скитаются... Ребенок — он и есть ребенок, да еще и голодный. Что же тут шуму-то столько поднимать?

Зулайха ничего не ответила. Похоже, силы оставили ее, отшвырнув прочь палку, она заплакала в голос, навзрыд и, не утирая слез, побрела к своему дому.

Гыяс-ака лишь сокрушенно покачал головой, пробормотал: «Э, невестушка, горя б тебе не знать!» — рукавом смахнул слезу. Должно быть, пожалел сноху. Вспомнилось ему, как совсем недавно пришла похоронная на его младшего брата — мужа Зулайхи. Раис-бобо еще немного постоял и пошел назад, в правление. Плечи у него горбились, весь облик выражал смятение и подавленность. Гыяс-ака направился следом за ним...

Ведя Франтишека за руку, Тураджан в окружении ребятшек зашагал к себе домой. Мальчик — худенький, истощенный — не переставая дрожал всем телом, едва переступал слабыми ножками, заискивающе поглядывал по сторонам и, должно быть, не знал, как выразить благодарность своему избавителю. Минуту спустя навстречу показался запыхавшийся отец Франтишека,— видать, кто-то сообщил ему о происшествии с сыном. Пожилой, высокий, тощий, он сейчас взволнованно тискал в руках выцветшую

шляпу; похоже, он не знал, что следует говорить, как вести себя. Морщинистое лицо, обрамленное русой, сединой, бородкой, было бело, точно бумага. Подбежав, он пристально глянул на сына, что-то на родном языке проговорил вполголоса, причем лицо сделалось холодным и строгим. Мальчик что-то ответил.

— Шалены!¹ — вскричал старик и ладонью наотмашь ударил мальчика по лицу. Тот снова прижался к Тураджану. Старик, видимо, начал понимать, что произошло, — обернулся к парню и церемонно поклонился, нагнув плечивую голову. Что-то заговорил часто-часто, должно быть, благодарил за сына. Тураджан тихонько подтолкнул мальчика к отцу. Поляк, продолжая кланяться и бормотать, взял сына за плечо и повел прочь.

Тураджан ввязался в скандал и не заметил, что стадо уже разбрелось. Озираясь вокруг, стоя на месте, он попытался привести в порядок мысли. В висках стучало, он только теперь начал вспоминать все происшедшее. «Снюхались!» — внезапно всплыло в памяти грязное словечко Зулайхи. Ведь это... ведь это она Камила бросила, когда та внезапно появилась и принялась было унимать разбушевавшуюся тетку!

Как же он до сих пор не обратил внимание на это? В ушах у него по-прежнему звенело, точно долбили череп. «Бедная! — подумал он о девушке. — Такое услышать!.. Что же это с тетей Зулайхой, так накинулась на нее? За то, что меня защищала? Верно, защищала ведь... Почему? Пожалела?»

Раздумывая об этом, Тураджан не спеша брел к дому. «Почему Камила защищала меня? — неотступно билось в сознании. — Пожалела?» Нигде не останавливаясь, шагал он, нахмуренный, разозленный, не зная, за что приняться. Каждый день в эту пору Тураджан и Камила обычно уже ставили своих коров в стойла, кидали им сена, затем поливали каждый у себя во дворе и выходили на улицу поиграть немного. Ничего этого делать сегодня не хотелось. В голове сумятица... Тураджан подошел к топчану посреди двора, повалился на него бессильно. Мать, конечно, сразу это заметила, но подумала: утомился парень. Не стала беспокоить.

¹ Сумасшедший (польск.).

Прошло с четверть часа, и во двор явилась соседка Хадича. Издавна говорится: «Женщина в адский огонь угодит — и то тридцать слов произнести успеет». Это о таких, как Хадича, ее в кишлаке прозвали тетушкой-Информбюро. «Вай, соседушка, миленькая...» — с этого как начнет, так и пробежит весь кишлак из конца в конец, не помня, зачем из дому-то вышла.

— Вай, соседушка, миленькая! — завела, как обычно, разговор Хадича, едва только войдя в калитку. Тураджан всегда недолюбливал ее. И сейчас резко повернулся к ней спиной. А она, ничего не замечая, пошла частить:

— Все война проклятая, так-то, соседушка! Подумать только, уже и Гыясу повестка пришла.

«Гыясу повестка?! — у Тураджана сердце замерло. — Значит, он уедет? А как же стадо?» Об этом он подумал совсем не так, как сам Гыяс-ака, когда узнал, что его, возможно, заберут. Нет, Тураджана вовсе не прельщала мысль о том, что заботы о колхозной скотине теперь, видимо, полностью лягут ему на плечи. Наоборот — он давно уже замыслил каким угодно способом избавиться от работы чабана и подыскать себе дело посерьезнее. Какой может быть рост, какое развитие для чабана? Ни славы, ни просто уважения на этой работе не заслужишь, нет... Он и пошел на нее против своей охоты, только после того как комсомольцы на собрании постановили: «Тураджан и Камила должны поступить в подпаски к Гыясу. Это комсомольский долг. Нет работы важной или неважной — любая важна! А сейчас это значит — служить Родине». Верно. Да разве нет в колхозе другой работы? Вон сколько дела: и окучка хлопка, и культивация, и прополка, и на арбе ездить, и трактористам помогать. Скоро начнется жатва хлебов. Тут и комбайн водить и на хирмане¹ управляться надо...

Эти мысли уже давно не оставляли Тураджана, но лишь сегодня он, кажется, готов был принять твердое решение.

Пока Тураджан собирался с мыслями, тетушка Хадича продолжала тараторить без умолку:

— Да ведь я говорю, милая соседушка, не одного, значит, Гыяса... Вот и Абдусамата-тракториста, да еще того...

¹ Ток, место приема урожая.

Нусрата с фермы, да еще у Карима-маслобойщика сына старшего...

— Вай, умереть мне... это Фатимы сынка?

— Да, соседushка, да, желанная...

— Так разве у него подошли годы? — Салима, будто ее ударили, так и села на пустой тандыр¹. Как же это? Ведь сын маслобойщика — почти ровесник ее Тураджану, всего, может, на год или на полтора постарше... У несчастной женщины, уже разлученной с мужем, все внутри затрепетало: значит, и с сыном разлуки не миновать... Между тем тетушка Хадича, ничего не замечая, говорила и говорила без остановки:

— Вот, соседushка, а это слыхала? Тот, значит, мальчуган поляк, Прантишка его зовут... Так он, чтоб ему на свет не родиться, стянул у Зулайхи сюзьму, что вывесила она в мешке отжимать. А она-то заметила — и давай на него кричать! Вай! И не повторить, чего наговорила. Что поделаешь, несчастная она... «Черная весть» на мужа пришла, тут, и верно, любой места себе не найдет. Да гляди, что дальше: она, значит, бить этого Прантишку, а ей сынок ваш да Камила — поперек дороги. Не дали бить. Соседushка-а, что она тут накричала-а!.. Кому ложь, а мне — правда. Ты, говорит, знаю, зачем с Тураджаном вместе стадо пасешь... Женить его на себе хочешь! Вон что говорит... Милая соседushка, ведь верно сынок-то ваш... тюф-тюф, не сглазить бы... вон какой парень сделался статный да пригожий!

И Хадича кокетливо, с намеком рассмеялась. Тураджан не выдержал, не мог больше слушать эту болтовню — тихонько поднялся и вышел на улицу. Уже совсем стемнело, но вокруг ни души — ребята и девушки в эту пору еще не сходятся. Пройдет полчаса — и высыпают все на улицу, а разойдутся по домам, когда матери позовут.

«Гыяс-ака уйдет в армию, что же здесь будет?» — эта мысль не давала покоя. Да и все происшедшее в этот сумбурный день теснилось в сознании, раздражало, сбивало с толку. Что предпринять, куда направиться?

Внезапно он заметил в темноте: Камила стоит возле своей калитки... Точно воришка, пойманный за руку на месте преступления, он крадучись повернул назад, к своему дому...

¹ Очаг, земляная печь.

Темнота, тишина вокруг. Верно, потому, что все разошлись по домам. Все смолкло, если не считать стрекота невидимых кузнечиков да еще собачьего лая, временами доносящегося откуда-то издалека. Когда Тураджан, погруженный в раздумья, не спеша брел к своему дому, внезапно скрипнула уличная калитка, кто-то, видимо, вышел от них. Приглядевшись, он узнал: это Байзак-чолак¹, недавно вернувшийся с фронта, уволенный по ранению. Постукивает палочкой. «Зачем он наведался к нам?» — мелькнуло в мыслях.

— Э, дружок, куда ходил? — окликнул, приблизившись, Байзак. Он, как обычно, говорил на своем родном языке — казахском, который в здешних местах все понимали. — Давай-ка живо в правление, председатель вызывает.

— Зачем?

— Придешь — узнаешь. Ну, марш!

Пожав плечами, Тураджан двинулся за ним следом. «А вдруг... и мне повестка? Вот бы здорово!..»

Размышляя об этом, он и не заметил, как подошел к правлению. Внутри при свете керосиновой лампы виднелись тени нескольких человек. Зачем все-таки вызвал раис?

— Входи! — Байзак, сильно хромая, первым прошел в дверь. Тураджан, смущенный, проследовал за ним, уже на пороге стянул ушанку, да тут и встал навытяжку. Точно перед директором школы...

Люди в комнате, видимо, были заняты обсуждением весьма важного дела, поэтому вначале не обратили на пришедших никакого внимания.

Людей здесь оказалось немного, как и можно было догадаться, глянув в окно. И все смотрели на председателя, ждали от него каких-то решающих слов. Тусклый свет десятилиннейной лампы — разбитое стекло бумажкой заклеено — едва освещал лица сидящих, сизый махорочный дым клубами уплывал к темному потолку. Когда глаза немного привыкли, Тураджан на длинной скамье возле стены разглядел сидящих бок о бок Гыяса, завфермой Нусрата, Абдусамата-тракториста и еще Разыка, сына Карима-маслобойщика. Все какие-то озабоченные, напряженные, а у то-

¹ Хромой.

щего, с длинной шеей, Разыка узкие глаза так и горят, искры мечут... Во всем облике парня проступает гордость: вот, меня призвали, считайте, что я — фронтовик!

«Выходит, правду сказала тетка Информбюро, — тотчас подумал Тураджан. — Но неужели и Гыяса призвали? Разыку, значит, повестка, а мне — нет?! Как же так?»

И Тураджан ощутил в сердце горькую обиду. Призывают Разыка, а его — нет... И разница-то в возрасте всего, может, год или два. А вдруг его, Тураджана, и вызвали сюда за тем же. «Вот если б и вправду так! Тогда, значит, не придется мне больше за стадом бродить да пыль глотать... А уж если не заберут на фронт, неужели не подберут мне другого занятия? Самое время сейчас перед всеми об этом и сказать! Скажу, будь что будет!..»

Пока он собирался с духом, председатель заметил его: — А, Абдутура явился! Ну, садись!

И он обернулся в сторону главного бухгалтера, стал что-то ему говорить. Что именно, Тураджан расслышать не мог. В голове гудело, мысли мешались. Снова раис глянул на него, жестом велел сесть возле Разыка. Освоившись, немного придя в себя, парень стал, хотя и с трудом, улавливать обрывки фраз: чеканка, хлопок-сырец, вода, клевер... жатва, окупка...

— Кладовщику выпиши наряд. — Председатель заговорил громче: — Тем, кто уходит в армию, выдать зерна, еще чего там... Сколько дадим зерна?

— Если по десять кило... хватит, наверно...

— По пять! — отрезал раис-бобо. — Достаточно. Сейчас нужно горячую пищу тем, кто в поле... Да еще семьи эвакуированных... Что скажете?

Никто не произнес ни слова.

— Тогда так и решим. Да, Байзак, что с помещением для эвакуированных?

— Все в порядке, аксакал.

— Где разместим?

— Одну семью в доме Гыяса. Еще одну — в старой кибитке Махкамбая-мастера... Другим тоже подыщем. Приезжают они послезавтра, еще есть время.

Теперь председатель обернулся к Тураджану.

— Так, значит, сынок, Гыяс-ака уходит в армию. Со стадом теперь управляться вам одним. — «Вот, я так и знал!» — тотчас пронеслось в сознании Тураджана. Он потупился. Начал уже подбирать слова, но так и не

решился ответить. Председатель помолчал, видимо, ожидая возражений, но, не дождавшись, опять заговорил: — Вдвоем будет тяжело, и мы решили подобрать вам еще двоих-троих ребят...

— Трудно придется теперь, это верно, — подтвердил Гыяс-ака. — И если не найдем помощников...

— Кого наметим? — Председатель оглядел сидящих.

«Сейчас сказать самое время», — решил про себя Гыяс-ака, но от волнения не мог произнести ни слова, только гладил усы.

— Ну, говори, — подбодрил его председатель.

— Вон... мальчик-поляк, Прантишка зовут... Как думаете, ежели с его отцом потолковать?

Собственно, Гыяс-ака, еще когда ходил со стадом, заметил в подпаски другого мальчика из эвакуированных — Сергея, сына пожилого украинца Опанасенко. И сам обрадовался своей наметке. Но сразу не поспешил сказать раису, а вот теперь вспомнилось происшествие с Франтишкой — старик тут его и назвал. Была, впрочем, и еще причина, почему Гыяс-ака вспомнил этого мальчика, а не Сергея, однако никто не догадался, кроме председателя.

Люди молчали — всем пришло на память то, что разыгралось каких-нибудь два часа назад между маленьким поляком и Зулайхой.

Первым подал голос Байзак-чолак.

— Замешателна! — со старанием выговорил он русское слово, хитровато усмехнулся. — Очень хорошая мысль! Недоставало, чтобы Гыяс-ака ее и высказал порусски... как в военкомате зимой.

Все дружно расхохотались, не мог сдерживать смеха и Гыяс-ака, махнул рукой:

— Э, чтоб тебе горя не ведать, все-то он с шуткой... Да, уж по-русски я тебя не превзойду, где там!..

Раис, позволивший себе лишь улыбнуться, когда все умолкли, заговорил тихо, раздельно:

— В словах Гыяса истина. Сколько у нас эвакуированных? Одна семья поляков, три — русских, две — украинских. И во всех семьях дети. А ведь даже курице нужно, как говорится, и зернышко, и воды глоток... Для нас-то они все равны, русские ли, поляки. Наша задача — пристроить на работу, для начала на ту, что полегче. Иначе им трудно придется, зимой в особенности. Эвакуированных распределили и по другим колхозам. Нужно выяс-

нить, как их там приспособили к делу. Уж, наверное, не сидят сложа руки!

— Верно, вот как верно! — тотчас горячо поддержал председателя Гыяс-ака. Он понял: тому Прантишке... тринадцать, не то все четырнадцать. Пусть хоть немного поможет Камиле с Тураджаном, с ними заодно поработает. Еще если б и отца его поставить сторожем...

— Да он мастер,— вмешался Разык.

— Мастер? По какому ремеслу?

— Уж по такому... Лампы починяет.

— Откуда знаешь?

— Не только знаю, сам видал.— Разык еще больше вытянул шею, и без того тонкую и длинную.— Из пустых бутылок мастерит стекла для ламп. За каждое берет полкило пшеницы... Моя мама заказала ему одно. Хорошее стекло.

— Вот здорово!

— А тот старик... Апанас... он сапожничать умеет,— вставил еще кто-то.

— Очень хорошо! — оживился председатель.— Пускай у нас чинит хомуты, уздечки, подпруги. Делом займется и на хлеб заработает... В общем, нужно нам как следует обо всем этом подумать. Этих людей нам ведь государство доверило. Значит, нам и соображать, как их прокормить, как обеспечить всем необходимым для жизни.

Люди слушали молча. Мысли каждого — об одном и том же. Время тяжелое, ответственное: жатва на носу. Запасов никаких.

Видя, что никто не собирается выступать, раис-бобо поднялся с места, заговорил, словно подводя итог:

— Решено! Будем искать выход. А ты, Абдатура, значит, с завтрашнего дня бери себе в помощники этого... Прантишку.

Тураджан, так и не решившийся высказаться, молча глядел себе под ноги. Председатель по-своему истолковал замешательство парня.

— Думаешь, как уговорить этого Прантишку? Ну, вот что...— Он разгладил седые усы, на мгновение задумался, потом произнес, обращаясь ко всем:— Можете идти. Останься только ты, Тураджан, и еще Байзак...

Заговорив все разом, люди вышли.

— Такое дело,— председатель жестом велел оставшимся приблизиться.— Давайте обойдем эвакуированных, со-

общим наше решение, потолкуем с людьми. Ты поговоришь. Байзак, ты-то мастер по-русски объясняться...

Задув огонь в лампе, все трое вышли на улицу. Ночь темным-темна. Впереди раис-бобо и Тураджан, а за ними Байзак-чолак глухо палкой постукивает. Байзак — сын чабана, прославленного в кишлаке и за его пределами. До войны Байзак чабил вместе с отцом. А когда вернулся после фронта, его определили секретарем правления колхоза. Человек веселого нрава, мастер пошутить. На военной службе он выучился по-русски, да еще привык русские словечки то и дело вклинивать в родную речь. Только произносит не очень верно, чаще на казахский лад: где нужно «ч» выговаривает «ш», где «ш» — там «с». Получается забавно — будто он шутит, не переставая. Но даже так, как он, говорить по-русски — очень важно здесь, в глухом кишлаке, вдали от города. Вот и сейчас председателю очень пригодятся познания шутника Байзака.

— С поляков начнем? — обернулся раис-бобо к своим спутникам, когда приблизились к старой бане, одиноко темнеющей в стороне от садов за дувалами.

— Все равно, — по-русски отозвался Байзак.

— Уже разгон берешь, по-русски чешешь, чертовз голушка? — с улыбкой проговорил председатель, и Байзак весело прищелкнул в ответ. — Ну, начинай. Где тут у них вход?

Байзак прошел вперед, где-то в темном углу нащупал дверь и легонько постучал в нее своею палочкой. «Ишь, голова! — про себя подивился раис-бобо. — Стучит! Повидал, как живут урусы... Мы-то к чужим ли, к своим попросту входим».

Подождав немного, Байзак постучал во второй раз. Только теперь в ответ прозвучал невнятный голос:

— Кто?

— Пан Дворжек, это мы! — отозвался Байзак.

Изнутри донеслось какое-то бормотание, потом вмешался женский голос. Разобрать, что говорят, было невозможно. Минуту спустя дверь приотворилась, кто-то выглянул наружу.

— Пан Дворжек, это же мы, откройте...

В кишлаке знали фамилию этого пожилого поляка. Слышали, что у поляков принято обращаться друг к другу «пан». Хотя Дворжек меньше всего походил на пана — хилый, тощий, сгорбленный, одет в старье. Из всей его

семьи знали по сути одного только Франтишека, — остальные почти не показывались в кишлаке... Пан Дворжек узнал пришедших — отступил внутрь. На нем поношенная рубаха — цвета не разобрать, на сутулых плечах тесная безрукавка из черного собачьего меха, лоснящаяся в лучах крохотной лампы, что светит откуда-то из глубины каморки.

— Прошэн, пане, прошэн... — несколько раз проговорил Дворжек срывающимся голосом, при этом шаг за шагом пятился внутрь, сгибался в поклоне. Было видно: его встревожило и напугало появление неожиданных гостей в поздний час. Неужели из-за того, что произошло с Франтишеком?! Старый поляк пристально вглядывался в лица пришедших и скоро понял: ему ничто не грозит. От сердца отлегло.

— Как поживаем? — приветливо ощерился Байзакчолак.

Слабая улыбка согрела бесцветное, обрамленное русою бородкой лицо пана Дворжека.

— Пасибо... — он теперь выглядел смущенным, растерянным. Наконец овладев собой, он еще раз поклонился, уже с достоинством, произнес тоном радушного хозяина: — Прошэн, панове!

Трое пришедших смело прошли в комнату. Тотчас в ноздри ударил диковинный неприятный запах. «В такое теплое время сидят запершись в доме!..» — мелькнуло в мыслях у райса.

Посредине прямо на земляном полу стояла семилинейная лампа. Ее слабый свет не достигал углов, в одном из которых с трудом можно было различить закопченный котелок, стоящий на керосинке. В котелке что-то булькало, по всей каморке распространялся пар; студа же, наверное, шел и странный, отталкивающий запах. Райс-бобо, освоившись, разглядел все семейство Дворжека. В углу напротив двери прямо на полу, на соломе, сидела старуха, по виду лет семидесяти. Рядом с ней девушка... Красавица: брови луками изогнуты, волосы, спереди коротко подстриженные, узлом стянуты на затылке. Брови, волосы, глаза — все черным-черно... Глядит настороженно, словно степной джейран: вспугни — стрелой умчится прочь. Чуть поодаль женщина — стройная, царственной осанки, еще крепкая с виду, хотя с лицом болезненным. Судя по всему, хозяй-

ка — пани Дворжек. К ней жметя Франтишек, видно, что переиуган, да оно и понятно: уж он-то провинился.

«Им бы хоть грубый палас,— проносится в сознании председателя.— Пола нет, земля сырая, каково лежать на одной соломе? А домашних вещей, значит, почти никаких...»

В самом деле, что в этом убогом жилище представляло хоть какую-нибудь ценность? Закопченный котелок, эмалированная, расписанная цветами, глубокая миска там же, в углу, семилинейная лампа посреди каморки, да еще в нише пара чемоданов. Ничего, бедные, не смогли вывезти. Да и стоит ли жалеть? Целый мир охвачен смятением, ладно, что хоть сами-то спаслись. Ох, никому бы не испытать подобной напасти!

...Оборвав тягостные раздумья, раис-бобо оглядел своих спутников — и насторожился. Байзак, точно беркут, почувший добычу, впился загоревшимися узкими глазами в девушку, сидящую в углу возле старухи. Так бы и кинулся, схватил когтями!.. Бросил лукавый взгляд на девушку, на Тураджана, подмигнул: «Нормальна?» Все сразу поняв, раис-бобо громко откашлялся. Байзак вздрогнул, подобрался, искоса глянул на председателя. У того глаза округлились от ярости, Байзаку не хватило смелости поглядеть в них еще разок...

Между тем Дворжек откуда-то извлек скамью, наскоро сколоченную из досок и брусков, поставил возле оконца, опять поклонился гостям, приглашая садиться:

— Прошэн, панове!..

Все трое осторожно уселись в ряд. Хозяин стал представлять членов семьи:

— Матка,— кивнул он в угол, где, сгорбившись, сидела старуха. Потом указал на девушку: — Дочь, Кристина... А то пани Раила,— с полупоклоном обернулся он в сторону женщины. И добавил с подобострастной улыбкой: — Супруга. Малжашка...

«Марджашка¹»,— про себя перевел Байзак. Остальные двое просто догадались, что это — жена, хозяйка.

Почему-то хозяин не представил сына. Мал еще, не стоит относиться всерьез. А может, не хотел напоминать о сегодняшнем инциденте.

Тут заговорил Байзак. Он давно уже заметил в одном

¹ От «марджа» (искажен. русск. Мария) — жаргонное словечко, означающее: жена, женщина.

из углов бутылки и теперь, указав на них хозяину, начал было:

— Пан Дворжек...— но сразу осекся. Тот, однако, сразу понял, о чем хотел спросить гость, улыбнулся, отрицательно покачав головой. Повертев бутылку в руках, Дворжек пояснил:

— Не пью я. Совсем не пью. Штекло это.— Потом кивнул на керосиновую семилинейку: — Лампа.

Раис-бобо и Тураджан с изумлением следили за ним, не понимая всего до конца.

Дворжек, должно быть, об этом догадался и сообразил, что на словах растолковать не сумеет. Подумав секунду, вытянул из кармана моток шпагата, распустил, обмотал шпагатом бутылку возле доньшка, сделав два-три витка. Прошел в сени, оттуда вынес другую бутылку, с керосином. Кусочек ваты укрепил на прутик, окунул в керосин, провел по шпагату на пустой бутылке...

Теперь все трое, не отрывая глаз, следили — что же будет?

— Шпишки? — Дворжек огляделся по сторонам.

Байзак тотчас достал из кармана кусочек кремня, огниво, пеньковый фитиль, протянул поляку.

— Не,— отмахнулся тот. Поискал глазами, поднял с полу клочок бумаги, подошел к керосинке в углу, поджег. И сразу поднес огонь к намоченному керосином шпагату на бутылке. Шпагат вспыхнул по всей окружности, раздался слабый треск — и бутылочное доньшко отвалилось, стукнулось оземь. Дворжек показал всем бутылку без доньшка — оно было будто алмазом срезано. После этого Дворжек что-то достал из ниши,— оказалось, ламповую железную конфорку с фитилем, точно такого диаметра, как бутылка без доньшка. Вставил в конфорку то, что осталось от бутылки. Зажег, и она ярко загорелась. «Ого! — про себя подивился Тураджан.— Выходит, Разык правду сказал. И верно говорят: голь на выдумки хитра».

— Вот, лампа...— Дворжек улыбался с гордостью.

— Это здорово! — восхитился раис-бобо.— А чем он занимался у себя дома? Спроси, Байзак.

Байзак спросил. У Дворжека улыбка сошла с лица, он горестно вздохнул:

— Тоже... штекло... Кракуве, город Кракув. Большой город, красивый. Жнайте? Потом немец... война...

Байзак не слышал о Кракове и только пожал плечами,

обернувшись к своим. Поляк, закусив губы, сокрушенно качал головой. Раис-бобо оглядел семилинейку, — она, правду сказать, была кривовата, но светила недурно. Спросил, не без помощи Байзак, сам ли он сделал ее.

Дворжек с готовностью закивал плешивою головой:

— А, да... Шам! Шам! — и для верности ткнул указательным пальцем себе в грудь.

— А не смог бы он, — снова заговорил председатель, — настоящих ламповых стекол наделать людям?

Дворжек с сожалением развел руками.

— Удоволштьем, но... нет печь... инструмент... Кварц нет. Ну, пешка, песок... — Чтобы пояснить, он наклонился, сделал вид, будто схватил горсть песка. Все поняли.

— Песок много. — Байзак махнул рукой туда, где простираются Кызылкумы.

— Не, — поляк покрутил головой. — Не такой... Шпетшалны пешок Кварц.

— А это из чего делал? — Байзак кивнул на стекло, которое прежде было на лампе.

— Пробирка, штекляны.

Внезапно пан Дворжек оживился, должно быть, понял, чего от него хотят эти люди. Не дожидаясь новых вопросов, сам заговорил, обращаясь уже не к Байзаку, а к председателю:

— Можно искать пробирка... Школа... там ешть много... негодны тоже ешть...

Раис-бобо вопросительно глянул на Байзака. Тот, подумав секунду, разъяснил. Верно, в кишлачной школе есть химический кабинет, а там и пробирки, и колбы, и всевозможные стеклянные трубочки. Найдутся, должно быть, и негодные. А это материал для ламповых стекол, которые пан Дворжек берется изготавливать!

— Правильно, в школе этого добра много — негодных пробирок, — тотчас подтвердил Тураджан. — Собрать только нужно.

Байзак перевел и его слова. Дворжек окончательно успокоился, закивал головой:

— Добже, добже! Жделаю...

Разговор принял благоприятный, дружественный оборот, и постепенно просветлели лица у безмолвных слушателей — старухи и девушки, сидящих в углу, у неподвижно застывшей возле окна женщины и Франтишека, жавшегося к матери. Все словно почувствовали облегчение. Между

тем Байзак, которому больше других пришлось говорить, время от времени украдкой поглядывал на девушку. Она, конечно, тотчас это заметила и, таясь от окружающих, беспрестанно теребила юбку — короткую, каких в кишлаке не увидишь, стараясь прикрыть белые коленки... Это, наконец, заметил Тураджан — и тотчас кровь ударила ему в голову. Он резко отвернулся, будто его уличили в чем-то неприличном. Ведь их девушки так не одеваются, так не сидят... Ему вспомнилась Камила — такая, какой он стал ее сегодня днем, когда она купалась в арыке.

— Стекло принесет он, — Байзак показал на Тураджана.

— Добже, — кивнул поляк.

— Давай теперь насчет Прантишки, — подсказал раис-бобо. — Ведь за этим пришли.

Байзак принялся толковать предложение раиса. Но, то ли он не находил нужных слов, то ли старый поляк живо смекнул, в чем дело, и лишь прикидывался непонимающим, — договориться они никак не могли. Теперь у Дворжека на лице опять появился испуг, он разводил руками, оглядывался на жену, на мать, ладони у него тряслись.

— Ну, довольно! — заметив это, прервал Байзака председатель. — Не хочет, принуждать не станем. Пошли!

— Ладно! — по-русски завершил разговор Байзак. — Мы пошли. До свидания! — И вышел первым, за ним — Тураджан. Раис-бобо кивнул, поблагодарив хозяина за гостеприимство, тоже шагнул за дверь.

— Чертова голова, — заговорил председатель, когда они отошли немного. — Ну и плут! Как на девчонку-то смотрел? Что скажешь? Оправдываться будешь?

— Вай, аксакал! — тотчас отозвался Байзак, словно выражая раскаяние. — Да я вовсе не на девушку засмотрелся! Тазик у них в углу, он мне приглянулся... Думал, вот бы его кислым молоком наполнить до краешка. Право, купил бы, ничего не пожалел!

— Шуточки оставь, и вот тебе мой наказ. — Председатель, видимо, лишь теперь дал выход гневу, который долго сдерживал: — Никогда не посягай на добро тех, кто и так разорен дотла. Понятно?

— Еще как понятно, аксакал.

— Смотри же! — Он сказал уже спокойно: — Ну,

а теперь веди к тому... к Апанасу... Уговорим Сергея отпустить, раз Прантишку нам не дали.

Старик Опанасенко жил неподалеку. Договориться с ним оказалось легче, чем с робким Дворжеком. Со следующего утра Сергей поступит в распоряжение Тураджана. Разошлись по домам в тот поздний час, когда старики читали последнюю — пятую — молитву...

4

Будто пощечина, оскорбили Камилу грязные намеки Зулайхи. Девушка, ничего не видя перед собой, опомнилась только возле своего дома. Вбежала в калитку, потом в свою комнату и бросилась на кровать, вся в слезах. А в груди обида жгучая, точно июльский зной.

Тогда, на арыке, она испытала мучительный стыд из-за того, что Тураджан увидел ее обнаженной. Но все же пережить это оказалось ей под силу. Ведь никто не знает, кроме них двоих. Это их общая тайна. А теперь... Как посмела тетушка Зулайха такое сказать? Боже упаси еще раз пережить подобное!.. «А ведь я сама кинулась его защищать,— минуту спустя пришло ей на ум.— Почему? Но тогда что же, пусть Тураджана бьют, а я буду стоять себе в сторонке?! Нет, ни за что!..»

Понемногу успокаиваясь, но все еще всхлипывая от обиды, Камила пыталась вспомнить, когда возникли в ее душе дружеские чувства к Тураджану, привязанность, готовность в любую минуту прийти ему на помощь? Но сколько ни раздумывала, не могла вспомнить, осмыслить, понять. Только в сердце вдруг словно затеплился огонек. Слезы еще не просохли на ресницах, а улыбка коснулась ее лица. Что же это за волшебное чувство, дарующее сердцу тепло, устам улыбку даже в тот миг, когда на ресницах еще не высохли слезы горькой, незаслуженной обиды?.. До сих пор отношения между ней и Тураджаном были чистыми, точно ключевая вода, прозрачными, как весеннее небо на рассвете. И вот Зулайха бесцеремонным своим вмешательством осквернила эту чистоту.

Эх вы, взрослые, повидавшие жизнь! Всегда вы готовы обвинить молодых, если даже сами кругом виноваты. Как смеете невинное, светлое чувство превращать в игрушку, в посмешище?!

...Так ярко вспыхивали все эти мысли в сознании девушки, что, казалось, вот-вот осветят комнату, прогонят

тьму... В тот же миг снаружи донеслись звуки шагов. Камила хотела поглядеть, но не было сил голову оторвать от подушки.

— Камила!— прозвучал голос матери.— Ты чего лежишь в темноте, огня не зажигаешь?

Каждый день в это время, когда тетушка Ризван, усталая, возвращается с работы, Камила, приходившая раньше матери, уже приберется в доме, засветит лампу, огонь разожжет в тандыре и хлопочет — ужин готовит... А сегодня...

Поспешно переодевшись, Ризван первым делом зажгла лампу. Комната слабо осветилась. Увидав на кровати дочь с разгоряченным лицом, мать встревожилась. Тотчас ладонь приложила ей ко лбу: так и есть, сильный жар!

— Что с тобой, бедняжка ты моя?

У Камилы покрасневшие щеки и лоб покрыты капельками пота. Было видно, как бьется жилка на виске.

— В чем дело, говори же!

— Голова...— всхлипнула Камила.

— Ой, да что ж это такое! — воскликнула тетушка Ризван и живо принялась за дело: закутала дочку в одеяло, голову повязала платком: пусть, мол, вспотеет хорошенько. А сама взялась хлопотать по дому — кинула жару в самовар, стала готовить на ужин похлебку — хурду с перцем. Решила дать дочери съесть полмиски такой похлебки прямо с огня, — тогда, мол, живо поправится. Видать, на солнце девочка перегрелась, весь день ведь на жаре...

Все сегодня матери пришлось делать самой, со всем управляться. Помочь-то некому. Муж Расулджан вот уже полгода как на фронте. Время от времени приходят от него короткие письма. Он далеко, Ленинград обороняет.

Как только в кишлак привозят почту, люди настораживаются, как говорят, — сердца сжимают в кулаке. Ведь только что были «черные вести» сразу на Каримджана, младшего сына председателя, и на мужа Зулайхи. «Ладно, Камила дальше не сможет учиться, — сказал ее дед, отец тетушки Ризван. — Зато уж Кучкара выучу я сам!» И увез младшего внука к себе в город. «Хорошо, — согласилась тогда Ризван. — Пускай мальчик учится, а уж Камила останется со мной. Все-таки мне полегче». Что же такое сегодня с ней?

Ризван, погруженная в эти раздумья, на миг растерялась — за что еще приняться? Дел как будто не убавляется... Да, корову не подоила! Прихватив подойник, она направилась к хлеву. Оказалось, Пеструха даже не привязана. Между тем она обычно в это время уже дожевывает остатки положенной ей пищи. «М-мм...» — недовольно протянула Пеструха, увидев хозяйку с подойником. «Вот и корову не покормила... Да и что это сегодня с девчонкой?!»

В глубокой задумчивости сидя возле коровы, Ризван не спеша подоила ее, затем направилась к горящему очагу, приподняла крышку над казаном — как там хурда? Подбросила щепок в самовар.

Пришла Салима, мать Тураджана, принесла молоко, что накануне было надоено. Между ними: уговор на тегишик¹. Они с Ризван ровесницы, давние близкие подруги и работают вместе. Судьбы у них тоже схожие: мужей взяли на войну в один и тот же день. Общее горе... Дворы у них почти рядом, между ними только двор Зулайхи, которая доводится невесткой Гыясу: она жена его младшего брата. В этот день Салима отпросилась из бригады пораньше — дома неотложные дела.

— Ну, как живешь, подруженька? Не уставать тебе!..

— Входи, Салимахон.— У Ризван посветлело лицо.— Ты только погляди: прихожу с работы, а у дочки жар..

Слова тетки Информбюро тотчас пришли на память Салиме, но она не подала виду.

— Солнцем, поди, нажгло бедняжку. Лежит, не шелохнется. Вот сейчас приготовлю горькую хурду. Может, легче станет.

— Она дома лежит? — тихо спросила гостя и прошла в комнату. Ризван следом за ней.

Камила, вся закутанная, раскрасневшаяся от жара, лежала с закрытыми глазами.

— Что с тобой доченька? — ласково заговорила Салима.— Прихворнула, говоришь? Не беда, пройдет, моя бялочка!..

А про себя подумала: «Это все из-за ругани Зулайхи.

¹ Обычай, заключающийся в том, что две или более семей весь общий удой молока сегодня сосредотачивают в одной семье, завтра в другой и т. д.; это дает возможность заготовить винок молочные продукты.

Молоденькая, не вытерпела...» Неожиданно для себя она в душе ощутила нежность, сострадание к этой девушке.

— Пройдет,— утешила подругу тетушка Салима.— А что-то сегодня нашего Тураджана не видать, не слышать. К нам эта заходила... тетка Информбюро. Так он уж больно ее не любит. Молча встал — да на улицу, так до сих пор и нету... Ну и болтливая же баба, право!

«Значит, и он встревожен!» — подумала Камила, когда женщины вышли. Весь разговор она не расслышала, но суть уловила.

Салима поставила подойник с молоком на край тандыра, замерила молоко, передала подруге. Та перелила молоко, смешала с тем, что сама надоила. «Проклятая, чего наговорила девушке! — продолжала Салима в душе корить Зулайху.— Услышала такое, враз немочь свалила бедняжку... «Черная весть» о муже пришла — ну и что же? Разве ж тебе одной?» Но ничего этого не сказала Салима, разговор перевела на другое:

— Никак война не кончается, подруженька. Будто дракон, насытиться не может. У всех одно на уме: закончилась бы поскорее!

— Да когда уж это будет? — с горестным вздохом отозвалась Ризван.

— Ох, подруженька, и на том спасибо,— соседке все хотелось утешить ее,— что дома наши не разорены. Что имели, то при нас, работаем, сил не лишены. А вон погляди на этих... поляков да украинцев: нищие, в чужих краях скитаются.

— Верно, милая!

— Тысяча благодарений аллаху, от наших мужей еще и письма приходят, хоть и запаздывают...

Поговорили подружки и как будто успокоились немного, перешли к делам насущным:

— Ты, подруженька, масло сегодня сбивала?

— Где там! Хотела катык¹ приготовить, да вон, видишь... — она кивнула в сторону дочери. Только бы не говорить о ее состоянии. — А нужно бы приготовить, отдать налог.

— Я тоже не сдала еще,— тетушка Салима поднялась.— Ну, я пойду.

— Погоди, подруженька, ужин готов!

¹ Густое кислое молоко.

— Тураджан, верно, уж возвратился.— Она и вправду забеспокоилась о сыне.— Ведь я забыла тебе сказать: Тураджана председатель сегодня вызвал. Пойду, узнаю, что там такое...

— Ну хоть бы чаю пиалку выпила! — не унималась Ризван.

— Нет, нет, пойду! Там и ужин для сына остыть может... — И она удалилась, захватив свой подойник.

А Ризван расстелила дастархан, накрошила горького красного перца в похлебку.

— Ну-ка, поднимись, доченька, — позвала она Камилу. — Выпей вот, пока горячее.

Камила с трудом встала, поправила на себе длинную рубаху, вымыла руки, лицо, присела с краю дастархана. Почему-то она не глядела матери прямо в глаза. И Ризван подивилась этому и встревожилась.

— Ну, пей, милая, пей!

Но девушка не двигалась, не поднимала головы, и тревога матери росла. «Неужели влюбилась? — мелькнуло у нее в сознании. — Да нет, нет... Совсем ведь еще ребенок... Впрочем, ты-то сама скольких лет отроду начала встречаться со своим Расулджаном? Семнадцать, а то и шестнадцать. Как раз возраст Камилы!»

В конце концов Камила все же выхлебала из миски горячее наперченное варево и опять легла в постель. Но тревога уже не отпускала материнское сердце.

Ризван почувствовала раздражение, которому нужен был выход.

— И что это ты надеваешь каждый день? — попрекнула она дочь. — Будто дервиш, оборванная вся...

Даже сама не заметила, как повысила голос. Камила тотчас встревоженно глянула на мать. Та заметила, упрекнула себя за невольную резкость, заговорила мягче:

— Доченька, ты ведь уже большая. И не к лицу тебе то, что ты носишь каждый день. Носи-ка вот платье, что дед тебе привез, пускай из дешевенького сшито, но все же это лучше.

Она поднялась с места, принялась открывать сундук. Камила послушно встала, взяла свою фуфайку, ватные штаны, повертела в руках... Верно, их давно бы пора выбросить! Примерила платье. Ой, как хорошо! И по росту, и цвет подходящий...

— Ну вот, завтра и надевай.

Камила снова легла. Ризван повесила платье на гвоздик в стене. Накрыла дочь одеялом и распахнула окна. Тем временем на улице перестали гомонить ребятишки, собаки во дворах больше не лаяли. Время было гасить лампы. Однако сон никак не приходил. Ей вспомнился Расулджан, каким он был в молодые годы. Короткие встречи, прогулки... И внезапно перед глазами, уже в полудреме, возник образ Тураджана. Лишь в первый момент Ризван удивилась этому: что бы это значило? «Парень видный, обходительный,— пронеслось в сознании.— И красивый». Близким, родным показался ей сегодня в мыслях этот юноша, сын давней подруги, товарищ ее дочери. Образ Тураджана как будто удалялся. Это Ризван погружалась в сон.

Камила чувствовала себя лучше, жар унялся. Сон, однако, не шел к ней. Повернулась на правый бок, потом на левый. Ощутила под собой, на постели, что-то твердое. Пошарила рукой — перочинный ножик Тураджана! Тот самый, что она у него отняла сегодня там, на арыке... Как он сюда попал? Должно быть, вывалился, когда она снимала фуфайку.

С этого момента — будто уголек попал за пазуху — она вертелась с боку на бок и уже ни о чем не могла думать. Только о Тураджане. Что он сейчас делает? Спит, наверное...

Тураджан, однако, не спал. Как раз в это время он, вместе с председателем и Байзаком, только что наведалься к старику Опанасенко, и вот, наконец, после переговоров о Сергее, попрощавшись разошлись по домам. Тураджан на своей улице еще застал ребят и девушек, которые играли в «белый тополь». Они предложили присоединиться к ним. Но Тураджан мельком оглядел веселую гурьбу своих сверстников, поискал глазами Камилу, но не нашел и зашагал к дому.

Не раздеваясь, лег на топчане во дворе. Сразу же у изголовья появилась мать:

— Ужин разогреть, сынок?

Тураджан в ответ сказал что-то невнятное. Он и сам не знал, хочет есть или не хочет.

Тетушка Салима не могла понять, что сегодня с сыном. Постояла немного над ним, так и не решившись расспрашивать его о чем-то или уговаривать поесть. Тихонько отошла, скрылась в доме.

Перед глазами Тураджана то Гыяс, то раис-бобо, то Зулайха, то растерянный Франтишек. А вот теперь — Кристина, дочь старого Дворжека. Сидит в углу полутемной каморки, на соломе, метается к бабушке и коротенькую юбку лихорадочно натягивает на свои белые, с ямочками, коленки... Но туманом застилает ее облик, и он снова думает о Камиле.

Ох, уснуть бы! Он перевернулся на спину, принялся считать звезды. До чего же яркие они сегодня! Одна, две, три...

5

Воғ и опять Камила не пошла со стадом. Вчера не пошла оттого, что еще чувствовала себя слабой. Ну, а сегодня? Когда живешь в небольшом кишлаке, все о тебе — хорошее ли, плохое — известно каждому. Камила знает это. Оттого и решила, что не пойдет больше со стадом.

Всего лишь позавчера, придя с работы, Ризван сперва принялась лечить внезапно заболевшую дочь, затем отчитала ее: дескать, оденься, как подобает взрослой девушке... Ничего больше не сказала, на следующее утро, как всегда с рассвета, отправилась на работу. Сама и корову в стадо отогнала. Тут уж всему кишлаку ясно: после того, как непутевая Зулайха опозорила Камилу перед людьми, девушка со стадом больше не ходит. Толковали об этом повсюду вот уж второй день подряд.

...Камила встала, как только мать ушла на работу. Чем заняться? Корову, оказывается, мать сегодня в стадо не отогнала. Что же делать? По правде говоря, никого сейчас не хочется видеть... Но ведь и корову дома оставлять никак нельзя. А выйти — стыдно! Не идет из памяти проклятая Зулайха...

Накануне мать, уходя на работу, сказала:

— Пожалуй, дочка, хватит тебе ходить за стадом. Не для девушки это занятие.

Некоторое время Камила слонялась по дому, не зная, за что приняться. Подошла к зеркалу, поправила косы. Впервые после того, как надела новое платье, она взглянула в зеркало — и не узнала себя. Как же так? В фуфайке, ушанке, ватных штанах она даже не замечала чуть тронутого загаром личика, черных бровей, темной родинки на левой щеке... На сердце у нее потеплело. Прямая, тонкая.

Волосы только вчера вымыла, заплела в две косы — неужели их снова прятать под грубую шапку?

...Но все-таки корову надо отогнать в стадо, и Камила решила сделать это сама.

Ощущая в груди легкое, прежде не ведомое ей волнение, она выгнала Пеструху за ворота. «Му-му», — коротко прокричала та и на ходу ущипнула пожелтевший стебель пальчатки. Но дальше ворот не двинулась. Камиле пришлось выйти со двора. Стадо уже собирается — недалеко, на перекрестке... И вдруг она увидела Тураджана... Камила смотрела на него, не вымолвив ни слова. Тураджан сразу все понял: она не пойдет за стадом. Сам взмахнул посохом на Пеструху, погнав ее к стаду.

«Тяжело ему будет одному! — подумала Камила. — Справится ли? Гыса нет, меня тоже...» С этими опасениями она вернулась к себе во двор, прикрыла калитку. Поглядела сквозь щель: парень гнал стадо к околице. «Мою Пеструху, значит, дожидался... Ой, а это кто? С другого боку еще кто-то подгоняет коров... Сергей, вот кто это! Ох, как хорошо! Вдвоем справятся... Значит, напарник теперь у него...»

Тогда она и глядела сквозь щель в калитке, пока стадо не скрылось из виду. Облегченно вздохнув, вернулась в дом. Прибралась, затем поставила на огонь миску с молоком — мать с вечера приготовила. Стала кипятить. Потом остудила немного, закваску бросила, закрыла поплотнее...

О, как ей тоскливо! Одна во всем просторном дворе. Кругом безмолвие... На сердце защемило. В эту пору она всегда в поле, на солнце, на ветру. Привыкла! И еще — не одной хочется ей сейчас быть, а вместе с ним, с Тураджаном.

Камила опять вышла во двор. Нет, нужно чем-то заняться, чтобы прогнать тоску. И она достала из колодца два полных ведра воды, сперва сбрызнула весь двор, потом хорошенько подмела. Немного вроде бы успокоилась... Вспомнила: ведь уже давно собиралась отцу написать письмо. Живо достала бумагу, карандаш, примостилась прямо на полу, на ковре, возле окна. Ну, теперь следует подобрать слова подходящие... Она грызла карандаш, ничего не приходило в голову. Что же писать? Как будто ничего примечательного не произошло у них в кишлаке с тех пор, как она писала отцу в последний раз... Она

поднялась, вышла во двор. И тут до ее слуха донесся разпоголосый говор множества людей со стороны правления. Камила подбежала к воротам, приоткрыла калитку, вгляделась. Так и есть, возле правления запряженная арба, вокруг люди — несколько мужчин, а больше женщины. Вон Гыяс-ака, тетушка Шарифа, раис-бобо, учительница Рахбар-апа... Зачем это они все тут? Эх, память девичья! Да ведь сегодня провожают в армию!..

Забыв про все свои страхи, Камила бегом кинулась к правлению. Там уже постелили солому на арбу, сверху сложили узелки, мешки. Гыяс-ака то и дело вытирал глаза. Супруга, Шарифа, возле него, у нее глаза опухли от слез. Тут же и Зулайха — кусает губы, вот-вот разрыдается в голос. Ведь родственника провожает на войну!

Общее настроение передалось девушке — глазам сделалось горячо, к горлу подкатил комок. Она подошла к самой арбе, и в тот же миг кто-то ласково тронул ее за плечо. Оглянулась — Рахбар-апа... Почему-то ее внимание сразу лишило девушку самообладания, она расплакалась. Учительница молча обняла ее, на мгновение прижала к груди.

Вскоре подошли старик Опанасенко и Дворжек. Стояли молча: что тут скажешь? Дворжек стянул поношенную шляпу, смял ее в руках, потом что-то проговорил... Его спутник в ответ только рукой махнул. Старый украинец крепко ухватился рукой за кузов арбы, в тягостной задумчивости глядел куда-то вдаль. Может, вспоминал далекую родную землю, попранную врагом... Ох, не ведать бы злой доли тем, кто воюет и за Украину, и за всю страну советскую!..

Вот наконец, подошли Нусрат, Абдусамат и Разык — кто с мешком, кто с котомкой. И следом еще женщины, старики, детишки. Кто плачет в голос, кто молча утирает покрасневшие глаза. Уходят, родимые, тяжкая их участь! И тем, кто остается, не легче. Где уж тут слезы сдержат?

Разык, оглядевшись, заметил Камилу — и глаза у него округлились. Он не узнал девушку в этом непривычном одеянии. Камила, заплаканная, смахивала слезы, — но до чего же хороша она была сегодня! Постепенно ее заметили. Каждому из тех, кто в этот день уходил, будь то молодой парень Разык или зрелый мужчина, такой как тракторист Абдусамат, стоило глянуть на девушку — на какие-то мгновенья забывалась горечь близкой разлуки. «Эх, Ман-

сур, сынок!— подумал Гыяс, как и наемни, возле арыка в полдень.— Был бы ты жив, никуда не ушла бы от нас Камила. Невеста — всем на зависть...» Похоже, об этом подумала и тетушка Шарифа. А Разык просто глаз не мог оторвать от Камилы. «И как это я до сих пор ее не приметил?» — пронеслось в сознании у парня.

— Ну, товарищи, айда в правление! — прервал его раздумья Байзак.— Приглашает аксакал.

Призывники один за другим скрылись за дверью. Проводив их взглядами, люди заговорили все разом:

— Да-а, если уж таких берут, как Гыяс-ака...

— И не говори!

— Кто остался-то? Женщины одни...

— Верно, не будет мира, пока не издохнет Гитлер, чтоб ему землей подавиться!

— Да еще вот эти...— встала Зулайха, кивнув в ту сторону, где стояли Опанасенко с Дворжеком.

— Неладное говоришь, невестка! — оборвала ее Шарифа.— Разве по своей воле они здесь?! Родные места у них разорены... Легко ли им, сама подумай!

— Права сестрица Шарифа, хоть учиться ей не довелось,— поддержала ее до сих пор молчавшая Рахбар-апа.— Не для своего удовольствия приехали к нам эти люди. Изгнанники они, скитальцы обездоленные... Мы-то у себя дома, спокойно работаем. Постыдились бы, Зулайха, говорить неладное!

— Чего мне стыдиться? Муж мой за них погиб! — У Зулайхи задрожали губы.

— Не за них, за всех нас, за наш покой отдают жизни наши бойцы...

Зулайха ничего не ответила, только закрыла ладонями лицо, горестно, громко всхлинула.

В дверях правления показались призывники, с ними райс-бобо, хромой Байзак.

— Значит, как оставишь их в военкомате,— продолжал председатель напутствие секретарю,— сразу в райс-полком. Там для нас уже выделили эвакуированных.

— Понятно.

— И с ними там гляди, будь обходительней! Шутство свое оставь. Люди натерпелись такого, что нам и не снилось.

— Ладно, аксакал!

— Ну, тогда всем садиться! — громко проговорил председатель. — Время вышло.

Первым взобрался на арбу Гыяс-ака, за ним остальные. Словно по команде, женщины заплакали навзрыд, заголосили.

— Тихо! — председатель выпрямился, поднял руку. — Перестаньте, что это вы?.. Ведь не на фронт люди уезжают, пока всего лишь на комиссию. А там еще что скажут, бог весть...

Женщины угомонились, иные платками зажимали себе рты, только слез не могли унять.

— Пошел, Байзак!

— Ладно, аксакал! Ну!.. — он дернул вожжи. — Паш-шол!

Арба тронулась. Женщины, детишки, старики толпой двинулись за ней. Только теперь председатель заметил Камилу, стоявшую на месте. Он тоже не сразу признал девушку в новом платье. Спросил удивленно:

— Ой, Абдукамил, ты ли это? Слышно было, приболела. Ну, как теперь, лучше?

— Да. Спасибо, — девушка потупилась.

— Когда выходишь на работу?

За нее ответила Рахбар-апа:

— Раис-бобо, это больше не Абдукамил. — Она обняла девушку за плечи. — Камила, наша красавица! И нельзя ее посылать со стадом. Надо подыскать ей другую работу...

Раис почувствовал себя смущенным. В самом деле, какой же это Абдукамил? Неладно получается... Но признавать свою неправоту — отнюдь не в обычае властного председателя. Он промолчал. Не спросил учительницу о том, какую работу предложит она Камиле.

— Пан председатель! — окликнул в это время раиса Дворжек и поклонился. Раис-бобо обернулся, молча кивнул в ответ, взглянул вопросительно. — Штекло, штекло! — проговорил Дворжек, но председатель этого слова не знал и не понял, о чем речь. А поблизости ни Байзака, ни Камилы с учительницей — они только что отошли...

— Попозже... вечером. Бе-чи-рим. — Председатель пытался выговорить по-русски слово «вечером», но теперь Дворжек его не понял. Поклонившись еще раз и разведя руками, поляк удалился.

«Губит война проклятая наших девушек, красоту их губит, молодость!.. — размышлял председатель уже в прав-

лении, оставшись один.— Ходит в грубом ватнике. Ну чем не Абдукамил? Испортила война всех, ожесточила. Вон Зулайха, ведь смиренная женщина была, обходительная, вежливая, никому дурного слова не скажет... Скоро ли проклятой войне конец?! Бедная молодежь наша, за что ей такие тяготы? Ведь самое бы время учиться, жизни радоваться. Вместо этого натягивай ватник, обувай кирзовые сапоги — и айда вслед за стадом...»

Рахбар-апа и Камила молча шли вдоль улицы, и учительница первая нарушила молчание:

— Так почему же ты, милая, не ответила на вопрос председателя?

— На какой вопрос?

— Когда он спросил, скоро ли ты выйдешь на работу.

— Я за стадом больше не пойду...— Камила потупилась.

Рахбар обо всем уже провела, ей только хотелось знать мнение самой Камилы, но от той слова не добьешься.

— Не говоришь, а я знаю.

— Вы?! Что знаете? — Камила зарделась.

— Ты только не смущайся, голубушка,— Рахбар-апа говорила спокойно, ласково.— Мне известно, что случилось позавчера. И ты правильно поступаешь. Да и работа чабана не для тебя. Но и без дела сидеть не годится, сама понимаешь. Хочешь, я устрою тебя в школу? Пионервожатой.

Девушка так и уставилась загоревшимися глазами в лицо учительницы.

— Конечно, конечно, дорогая Рахбар-апа.

— Посоветуешься с мамой?

— Да нет, я сама... я согласна.

— Вот и хорошо. Значит, договорились. До свидания.

— До свиданья!

Камила благодарным взглядом проводила учительницу.

6

Километрах в трех от кишлака дорога, ведущая к летнему пастбищу, перерезает пшеничное поле. Дорога здесь узкая. и когда стадо приближается к этому месту, чабанам надо быть особенно внимательными, чтобы коровы не

забрели в пшеницу. Тут обычно их встречает сам бригадир полеводов Сали-аксакал и вместе с чабанами отгоняет скотину, помогает провести стадо. В этот день он вышел сюда раньше обычного — прослышал, что Гыяса уже нет со стадом.

— Быстрее гоните! — еще издали закричал он, сидя верхом на лошади, потрясая в воздухе нагайкой. — Э, хайт, хайт! Да с обеих сторон, не выпускай!..

— Чу! Хайт! — в ответ ему покрикивал Тураджан, размахивая посохом. А с другой стороны стада, подражая новому товарищу, так же махал посохом и ломким мальчишечьим голосом кричал Сергей.

Не переставая щипать траву по обочинам дороги, коровы достигли тракта. Густое облако пыли стояло над стадом, где тут Сергей, где Тураджан — разобрать невозможно... Сали-аксакал, хлестнув свою лошадь, пробился сквозь стадо, выехал вперед. Только теперь он заметил, наконец, Сергея.

— Новый помощник? Дай бог удачи!

— Да вот, один я остался... — Тураджан выглядел смущенным.

— Не беда. Парнишка-то крепкий, проворный, легок на ногу. — Бригадир явно был доволен новым подпаском.

Тураджан, ничего не ответив, зашагал своею дорогой. Сали-аксакал тоже завернул было коня, но вдруг что-то вспомнил, окликнул Тураджана.

Парень удивленно обернулся. Верно, бригадир, натянув поводья, поджидает его.

— Вот что... — Старик собрался с мыслями. — Завтра с утра ячмень косить начинаем. А людей не хватает. Нужен человек на хирман, счет вести. Ты не пошел бы?

— А что же со стадом? — Тураджан глядел в землю.

— Так вон мальчишка урус. И еще есть такие же в кишлаке... Неужели дня два не поработают, не справятся без тебя?

— Пожалуй... — парень задумался. — Только что скажет раис?

— Это я беру на себя, — бригадир улыбнулся. — Ты, значит, подговори еще одного-двух парней, подучи их хотя бы дня четыре, пусть пообвыкнут. А после и сам улучишь минутку, наведешься, присмотришь. Идет?

— Ладно...

Это как раз то, что на уме у самого Тураджана! Хирман — это совсем другое дело. Там весь день на людях поговорить можно. Не то, что со стадом — от тоски пропадешь один... Но где найти ребят? Франтишека еще можно бы уговорить. Но только вдвоем с Сергеем не справиться им. Вот раис-бобо говорил: еще привезут эвакуированных к ним в кишлак. Хорошо, если б среди них оказались крепкие ребята. Вот если бы Камила...

Едва вспомнил о ней — мысли оборвались.

Душа человека будто небо весной: то солнце на нем сияет, то вдруг набежали черные тучи.

Утро еще только занималось, когда Тураджан, наскоро позавтракав, спешил к дому, где жил старик Опанасенко. Отсюда вдвоем с Сергеем они направились к тому месту недалеко от правления, куда люди уже начали пригонять своих коров. Тураджан не отрывал глаз от ворот Камилы. Накануне Пеструху привела сама тетушка Ризван. Камила будто заболела, об этом сказала мать. Оттого, значит, и не смогла выйти. Ну, а сегодня, наверное, уже поправилась... Размышляя об этом, он не замечал, что коров становилось все больше и больше. Его внимание было там, у этих ворот... Девушка, однако, не показывалась. Между тем приближалась пора, когда уже следовало гнать стадо из кишлака. А ее все нет. Конечно, он и погнал бы, если б припозднилась какая-нибудь другая корова, не Пеструха тетушки Ризван. Тут, однако, он медлил, все еще с надеждой поглядывал на заветные ворота. Вот они как будто приоткрылись... У парня заколотилось сердце сильнее. Так и есть: ворота вдруг распахнулись. Сперва показалась медлительная Пеструха, потом... потом человек. Но кто же это? Тетушка Ризван — он видел своими глазами — с полчаса назад отправилась на работу с кетменем на плече. Тураджан так и замер, разглядывая незнакомую фигуру в женском одеянии. Да ведь это же Камила! Ситцевое простенькое платье с зелеными цветами так аккуратно сидит на ней. Голова не покрыта, две черные косы закинута за спину. Родинка на левой щеке, густые черные брови. Взгляд стыдливо устремлен в землю... Она совсем-совсем другая!

Неужели это Камила?!

Их взгляды встретились. Камила казалась спокойной, ни одна черточка не дрогнула на лице. А Тураджан как будто проглотил раскаленный уголь. Оба молчали. Парень, наконец, взмахнул посохом на Пеструху, погнав ее к стаду.

И тогда слабая, чуть приметная улыбка тронула губы девушки. Тураджан увидел эту улыбку в последний момент, краем глаза — и точно тяжелый груз сняли с его плеч... Но в то же мгновение горестная мысль пронзила его сознание, разбила едва затеплившуюся надежду: «В этом платье она не пойдет за стадом!»

Уже в следующую минуту он сам удивился, почему не сразу понял столь простую истину.

Предложение бригадира полеводов подняло у парня дух — в точности как мимолетная улыбка Камилы. Опять Тураджан погрузился в раздумье, перестал замечать окружающее, лицо у него то светлело, то мрачнело. Противоречивые чувства теснились в сердце. Почему-то совсем иным казалось все привычное, что он наблюдал вокруг себя ежедневно. Что-то новое, доселе неведомое, виделось во всем. И утро сегодняшнее несколько не похоже на вчерашнее. Все вокруг будто волшебная сказка, и хочется эту сказку рассказывать стихами, петь. Вот солнце уже тронуло верхушки тополей, но прохлада ушедшей ночи еще не торопится сбросить туманную пелену с лугов на летнем пастбище. Жаворонки и стрижи распевают на все лады, носятся вверх-вниз, вверх-вниз, так что слышен свист воздуха, который прорезают их острые крылья. По обе стороны дороги — ровные и высокие золотые колосья пшеницы, зрелые, цвета бронзы, стебли ячменя. Они кланяются неторопливо, будто благодарят щедрое солнце. Аромат спелых хлебов кружит голову...

И что самое удивительное — ведь Тураджан мимо всего этого проходит вслед за стадом каждый день! Однако почему ни раньше, ни даже вчера он не замечал, что жаворонки поют песнь благодарности природе, и прозрачности утреннего неба не замечал, и не ощущал пьянящего аромата спелых колосьев... Что же произошло?

Еще в тот вечер, когда он не мог уснуть, когда считал звезды и понял, что нет им числа, он ощутил впервые красоту, волшебство природы. Смутное чувство, тревожное — и сколько же радости оно дарит человеку!

Стадо между тем уже вышло на солончак, давно перепаханный копытами животных. Здесь пастухам следовало быть настороже. Вот на равнине потянулись заросли полувисокого кустарника. Далеко же в этот день зашли ребята со стадом, дальше тех мест, где обычно устраивают привал! Здесь жара может доставить коровам беспокойство, ведь негде от нее укрыться. А если еще и слепни появятся, тогда коров и вовсе не соберешь. Пера вернуть стадо к арыку, пускай пасутся поближе к воде.

— Серожа-а! — окликнул Тураджан своего нового помощника. Тот шел по другую сторону стада, выкрикивал что-то свое, а коров, которые сбивались в сторону, гнал обратно. Он не расслышал зова, не обернулся. Солнце уже всюю припекало — в такой час плохо слышны голоса.

— Сергей! — изо всех сил еще раз крикнул Тураджан.

Теперь парнишка услышал — обернулся, козырьком ладонь приложил к глазам.

— Шо-о?

— Гони сюда... назад! — Эти русские слова Тураджан, к счастью, знал, но не уверенный, что его понимают, энергично замахал в воздухе посохом, сияясь объяснить, что нужно делать.

— Цоб! Ну-у, цоб! Цо-об!.. — принялся заворачивать коров Сергей.

— Не нада «цоб»! — принялся поучать его Тураджан. — Не понимай он. «Хайт» нада, «хайт»!

Сергей на минуту опешил, поморгал светлыми глазами, потом улыбнулся, махнул рукой:

— Эгг ж, розумию. Хайт! Ну-у, хайт!..

Полдневный зной. Стадо разбрелось, но пастухи старались держать его поближе к воде. Если слепни вдруг появятся — только в воде животным спасенье. Сами они, Тураджан и Сергей, отыскивали местечко под ивой, в тени, откуда видно было все стадо.

Тихо кругом. Смотришь вдаль — будто серебристая гладь озера расстилается, манит к себе... По обочинам дороги — колючая трава янтак. Стебли у нее точно серебряная проволока. Кузнечики стрекочут не переставая, как всегда в эту самую жаркую пору лета. А вон, прямо над головой, жаворонок — машет крылышками, а не движется, висит в одной точке и заливается при этом нескончаемой песней. Чуть выше коршун парит, на жертву нацеливает-

ся... Все, что видит сейчас Тураджан, находит отклик у него в сердце. От волнений поднимается он на ноги, стоит, расправив плечи, глубоко дыша. Не может понять, что с ним, — щемит в груди, как будто плакать хочется... Нет, не плакать — петь! И песня слагается сама собой:

Серый жаворонок в вебе,
Ты о чем так авонко плачешь?..

Кажется, такую песню он где-то слышал. И тоска одиночества все острее в груди... Парень вспомнил отца. Далеко он теперь и возвратится ли с войны? Слезы навернулись на глаза.

Кажется, Тураджан погрузился на миг в дрему, но внезапно послышался разговор, чей-то смех, а откуда — он поначалу не мог понять. Огляделся — рядом с ним Пеструха тетушки Ризван тянется к нему губами... Фу ты, навяженье! Только теперь заметил: на дороге знакомая арба, на ней и возле нее люди, человек пять.

Призывники едут в город, в военкомат — вот кто они. Задержались возле стада, должно быть, по просьбе Гыяса. А вот и сам Гыяс. Подошел к Сергею.

— Ну, давай, давай, по-русски, Поньмайш-ака! — это со смехом кричит Байзак-чолак. В ответ раздается дружный хохот.

— Э, чтоб тебя! — отмахивается Гыяс-ака и спрашивает Сергея в самом деле по-русски: — Тураджан... куда?

Парнишка указывает посохом.

Но Тураджан уже сам направился к ним. Разглядел Абдусамата, Разыка, Нусрата. Уезжают... Доведется ли еще свидеться? Тураджан подбежал к Гыясу — вот с кем расставаться тяжелее всего! Парень приблизился и голову склонил старику на грудь, всхлипнул...

— Ну, не нада, не нада, — глухо проговорил Гыяс-ака, обняв его за плечи. — Эх, горя б тебе не знать... Да еще, и не заберут. На комиссию ведь только...

Но разве одна только скорбь разлуки с наставником, с односельчанами заставила Тураджана столь явно обнаружить свои чувства? Нет, конечно. Однако истину пока не дано было узнать никому.

Глядя на Гыяса и Тураджана, остальные приумолкли. А Гыяс-ака уже овладел собой. Концом поясного платка утирая глаза, стал давать последние наставления:

— Сейчас, значит, солнце над макушкой, можно их в воду загонять. Ничего не упускайте, упустишь — не исправишь...

Тут все заулыбались, а Разык отвернулся, чтоб не рассмеяться в открытую.

— Должно быть, нашему Гыясу в армии тоже придется коров пасти! — ввернул неугомонный Байзак. — Только там, брат, коровы не понимают нашего «хайт». Ты научись вон как Сергей: «Тсуп». — Он обернулся к Сергею: — Правильный, Серожа?

Лицо у паренька расплылось в улыбке.

— Цоб!

— Вот видишь! А теперь поехали. Солнце-то над макушкой.

Все пятеро попрощались с пастухами, взобрались на арбу, тронулись. Тураджан и Сергей провожали их глазами до самого поворота, пока арба не скрылась из виду.

Первой внезапно подала голос корова Зулайхи и со всех ног кинулась в самую середину стада. «Слепни!» — молнией пронеслось в сознании Тураджана. Все стадо разом задвигалось, заволновалось. Но — арык под боком. Жестом показав Сергею, что нужно делать, Тураджан поспешно принялся сгонять коров к воде:

— Хайт! Чув, чув!.. Серожа, давай!..

Парнишка в первое мгновение не понял, чего от него ждут, но затем сообразил, глядя на Тураджана, подражая ему, принялся подгонять коров к арыку, крича во все горло, подбадривая себя:

— Ха-айт! Ну, хайт! Цо-об! Цоб, скаженна!..

Все же он побаивался коров, старался держаться от них подальше. Те, что были в голове стада, с тревожным мычанием, задрав хвосты, поднимая клубы пыли, устремились к воде. За ними — остальные. На самом берегу арыка иные задерживались, но потом смело кидались в воду, крутили хвостами. Берега будто дождем окатило... Наконец и Тураджан с Сергеем приблизились к берегу. По лицам их струилась грязная вода.

— Не уставайте, хо-ов! — прокатился над арыком чей-то зычный голос. Это внезапно появился, верхом на ишаке, Ильяс-бобо, старший чабан из соседнего кишлака.

— Ассалам алейкум! — отозвался Тураджан, рукавом вытирая лицо. Сергей молча смотрел на незнакомого старика — плотного, широколицего.

— Ва алейкум! — Ильяс-бобо сошел наземь.— А где Гыяс-ака?

— Призвали его... Уехал в город.

— Ну-у?! — Помолчав, потом поцокав, он осторожно снял хурджун со спины ишака, сам опустился на лужок, оперся о рукоять плетки.— Вот оно как... Ну, а это что за парнишка беленький?

— Серожа.

— Русский, значит? — Ильяс-бобо глянул на парня из-под ладони.

Тураджан кивнул. Заметив удивление чабана, пояснил:

— Это из беженцев...

— А-а, из беженцев, говоришь? Ну и как, проворный малый?

— Управляется.

— Добро,— старый чабан цветастым платком утер себе потный лоб, шею.— Призвали, значит, Гыяса... А я повидаться с ним хотел, потолковать. Стадо тоже оставил на своих парней... Хай, да вы полдничали?

— Нет. Только сейчас подошли к арыку.

Сказать по правде, у них и не было никакой еды. Обычно Гыяс-ака привозил что-нибудь в своем хурджуе. А теперь не осталось у них ни хурджуна, ни ишака. Тураджан в этот день понял: нужен в стаде ишак.

Ильяс-бобо сразу смекнул, что у ребят ничего не припасено из еды. Обернулся, подтянул свой хурджун, извлек оттуда бурдюк, принялся развязывать горлышко.

— Тогда сегодня вы мои гости. Давай покличь русского!

Сергей в это время издали с удивлением разглядывал незнакомого старика. Вот чудной! Такая жара, а на нем стеганый ватный халат, меховая ушанка на самые брови надвинута...

— Давай!— Тураджан подошел к Сергею, жестом указал на арык и принялся ополаскивать лицо, руки. Сергей последовал его примеру.

Когда оба парня, утираясь рукавами и подолами рубах, подошли к месту привала, Ильяс-бобо уже разлил по деревянным мискам какое-то белое полужидкое варево — что-то наподобие пшеничной каши, разбавленной айраном.

— Ну, молодцы, берись! — по-русски выговорил чабан, хитровато усмехаясь в редкие усы, заметив, что Сергей с удивлением разглядывает его одежду.— Больно теп-

ло, думаешь, оделся старик? Да вот сквозь твою-то рубашу солнце тебя проберет, а меня — ни в какую! Только пропотею разок, а после мне прохладно.

Парнишка с доверчивой, но все еще недоумевающей улыбкой опустил на траву. Тураджан поднял миску, отхлебнул... Ого, тут в самом деле и пшеничная каша, и лапша, и даже плов, все залито айраном. Вкусно, ничего не скажешь.

— Дедушка Ильяс, — все же решился он спросить. — Что это за пища такая?

— Не нравится?

— Да нет, хороша. Непонятно только.

— Это, брат, называется ашалол¹, — старик удовлетворенно улыбнулся. — Когда люди от чистого сердца дают, оно и выходит вкусно. А у вас разве такое не водится?

Тураджан помотал головой. Очень ему пришлось по вкусу чабанская еда. И тут же простая мысль мелькнула в голове, да так крепко засела, что с ней он проводил Ильяса. Потом весь остаток дня ходил за стадом и к вечеру возвратился в кишлак, очень довольный тем, что надумал...

7

В тот день Тураджан немного раньше обычного направил стадо к кишлаку. То ли решил не слишком утомлять нового подпасака, то ли спешил задуманное высказать раису. Когда многие коровы сами разбрелись по своим дворам, а других увели хозяева, пять-шесть коров осталось — за ними никто не пришел, хозяева еще с поля не вернулись. И Тураджан с Сергеем вынуждены были сами развести их по дворам — загнать в хлев либо привязать. После этого Тураджан не отпустил своего верного помощника — повел к себе, заставил выпить чашку катыка, да еще наполнил катыком глиняную миску: дескать, неси, отца угостишь. Сергей, поблагодарив, довольный отправился домой.

Обычно к правлению люди в рабочую пору сходятся совсем поздно. Всегда появляются какие-нибудь важные вопросы, требующие обсуждения. Чем же заняться?

¹ Старинный обычай чабанов собирать и хранить впрок пищу разных видов.

Тураджан подбросил корове сена, выправил колодезное ведро, помятое с одного боку. Глиняная стенка хлева в углу обрушилась — он размешал немного глины с соломой, заложил пролом. Глина еще осталась. Тураджан оглядел весь трехъярусный дувал, которым обнесен двор... Ага, вон там тоже зияет щель. Он живо слепил десяток глиняных катышей, уложил, куда требовалось, подмазал снаружи.

Парень сам стал замечать за собой: в последние дни он все чаще задумывается над тем, что бы полезное сделать, размышляет обо всем, точно взрослый, когда говорит — выбирает слова, не спешит высказать что взбредет на ум. Кажется, еще только вчера на улице играл в лапту с такими же подростками, как сам... Поиграть, верно, ему и сегодня хотелось, но и смущение удерживало: того гляди, посмеются над ним взрослые...

Пока он управлялся с домашними делами, возвратилась с работы тетушка Салима. Во дворе уже темно. Мать засветила керосиновую лампу, принялась готовить ужин. А Тураджан отправился в правление.

Конечно, люди уже собрались. И председатель должен быть среди них. А Байзаку еще не время возвратиться. Тураджан сквозь неплотно прикрытую дверь глянул в председательский кабинет: раис-бобо, Сали-аксакал, бригадир Абдухалык, комсомольский секретарь Таджихонапа, еще кто-то незнакомый... Не иначе, что-то важное обсуждают. Интересно, бригадир полеводо-в передал председателю утренний разговор? Если нет — сейчас вспомнит, как только увидит Тураджана. Все очень удачно!

— А, Абдатура! — тотчас окликнул раис-бобо, как только парень осторожно переступил порог. Стянув ушанку, он поздоровался со всеми, ему ответили.

— Садись! — председатель кивнул на скамью у стены. — Как дела? Что твой помощник, справляется?

— Все в порядке... — Тураджан тискал в руках шапку.

— Товарищ уполномоченный, — раис-бобо обернулся к незнакомцу. — Это один из наших комсомольцев. Исполняет обязанности старшего чабана. А вот сейчас просится к полеводам на хирман...

«Сали-аксакал, значит, сказал уже!»

Незнакомец молча с улыбкой кивнул. Он был одет по-городскому — в украинской рубашке с вышитым воротником, защитных галифе, на голове кепка, обут в брезенто-

вые сапоги. Длинное белое лицо, редкие усики на верхней губе... Должно быть, один из тех, кто обычно наезжает из города во время уборочной. Вмешиваются во все дела — «из района», значит, любой вопрос способен разрешить! — досаждают председателю и бригадирам. Иные отваживаются старым, опытным дехканам советы давать, а то и высмеивать; толку от этого, конечно, в лучшем случае никакого... И этот, не иначе, приехал к началу жатвы.

Видя, что уполномоченный выразил одобрение, раис-бобо заговорил:

— Намерение хорошее. Зерно сейчас государству нужнее всего. Только и людей следует поддержать, подкормить, тех, которые своими руками, сил не щадя, это зерно выращивают да собирают. А для них молоко — необходимый продукт. Значит, скотину оставлять без присмотра тоже нельзя. — Он глянул на Сали-аксакала, но все поняли, что это говорится и для уполномоченного. — Нам советуют: берите из русских. Так... Но ведь этих ребят еще учить нужно! Да и много ли у них в семьях таких ребят, что могли за стадом ходить? А как они все живут, что едят? Вот вы... — теперь раис-бобо в упор глядел на уполномоченного, — начнется уборка, с лошади не сойдете... А вы бы к ним в дома заглянули. Я только что был у украинцев... Отощали, в чем душа держится! Старушка там опухла вся от голода. После уж я из дому принес им зерна. Какой же от них работы ждать? Откормить поначалу надо.

Он умолк. Никто не произнес ни слова.

— Ну, ладно, — председатель устало махнул рукой, сел. — Еще дней пятнадцать тяжело будет. А там урожай соберем — легче станет.

Тураджан, ни слова не пропустивший из сказанного председателем, все не мог отделаться от навязчивого видения: старуха, вся опухшая от голода, на соломе в углу темной каморки. В точности как было у Дворжека...

— Можно мне сказать? — Он внезапно ощутил решимость. Раис-бобо поднял на него удивленные глаза. Да и все удивились: уж больно робким выглядел этот парень, хоть и старший чабан. А Тураджан, не ожидая позволения, выпалил: — Ашалол давай соберем, как чабаны в прежнее время. Да вон и сейчас в соседнем кишлаке... Соберем и раздадим беженцам, немного подкормим людей...

Опять воцарилась тишина, каждый собирался с мыслями... Изумление выразилось на лице председателя: вот так парнишка несмышленный!

— Отцу твоему спасибо за такого сына! — проговорил наконец раис-бобо и обернулся к Сали-аксакалу. — И такого парня, смышленного да разумного, ты хочешь к себе на хирман забрать?

У Тураджана после этих слов все в груди так и оборвалось. Значит его предложение — помеха его же замыслу?! Но обнаруживать свои чувства — момент неподходящий.

— Доброе дело предложил парень. Ашалол — старинный наш обычай, предками завещанный, — пояснил уполномоченному председатель. — И теперь пользу принесет... Верно подсказал, сынок, хорошо! Давай с утра сам и начинай!

— Ладно.

— А чего ж, — подтвердил Сали-аксакал, тоже, видимо, довольный. — Спозаранку оба чабана — чашки в руки, торбы на плечи и айда по домам: «Ашало-ол!» Кто плову горсть, кто каши плоску, кто лепешку... Глядишь, и наберется кое-что.

Вот оно как обернулось! Тураджан кусал губы от досады. Не подумал, прежде чем говорить... А теперь сам ходи по дворам с чашкой да торбой: ашало-ол! Будто нищие! Что скажут люди? А Камила?..

Он не в силах был выговорить ни слова. Между тем собравшиеся наперебой расхваливали его, но похвалы не радовали на этот раз.

В эту минуту, сперва никем не замеченный, в дверях появился Байзак-чолак. В руках сложенная плетка. Поздоровался, ему ответили. Подошел к столу. У него из-за пазухи торчала кипа газет, он положил их перед раисом; среди газет — несколько солдатских треугольников. Тураджан смотрит: нет ли там заклеенных, сложенных вдвое бумажек? Именно в таком виде приходили в кишлак «черные вести».

— Ну, рассказывай, — раис-бобо глянул на чолака.

— Что рассказывать, аксакал? — тот покосился на уполномоченного.

— Как что? О людях, которых привез.

— Много людей. Сегодня все уехать не смогли. Завтра опять поеду. А привез, аксакал, три семьи, десять душ...

Трое стариков, остальные молодежь. Говорят по-русски. Поместил, где намечали.

Трудно было ожидать, что приедут люди, которых сразу можно поставить на работу в поле, на ферме, у стада. Беженцы, из-за войны лишенные крова, по большей части добирались в здешние края измученными, не имея самого необходимого. Но даже и таких не спрашивали — может работать, нет ли. Про это именно и подумал в первую очередь раис, а за ним и все остальные: что-нибудь найдется полегче из колхозных работ, куда можно будет определить приезжих, особенно в наступающие горячие дни. А что тут поделаешь? Другого выхода нет.

— Вот так! — Раис-бобо поглядел на уполномоченного, в два слова вложив все, что скопилось на сердце. Потом он сбернулся к Сали-аксакалу: — Когда начнем убирать ячмень?

— Немедля начинать жатву! — сказал уполномоченный, стараясь придать своему голосу как можно больше решительности. — Район торопит, чтоб никакого промедления!

— Район, — как бы в задумчивости повторил председатель. — Сколько у нас молотилок, Сали? Одна? А нужно не меньше четырех.

— О, аксакал! — уполномоченный заволновался. — Вы и про другие колхозы не забываете. Ну, вижу... сил у вас маловато.

— Что поделаешь! — раис-бобо развел руками. — Хирманы все равно поставим, а молотить будем как деды-прадеды, вручную, скотину пустим!.. Значит, так. Ты, дочка Таджихон, из всех трех бригад отбери комсомольцев, девушек и женщин, которые посильнее. Завтра с утра идите вместе с ними к кузнецу Махкамбаю оттягивать серпы.

Деловая часть была завершена. Как обычно, речь зашла о положении на фронтах. Тураджан слушал с особенным вниманием. Зимой немцам под Москвой наломали бока, но вот теперь они как будто пришли в себя, опять жмут на юге. Оттого и призывают сейчас в армию людей в годах и совсем зеленую молодежь... И продовольствие фронту необходимо, как никогда. «Вот! — с горечью, уже в который раз, подумал Тураджан. — Все для фронта работают, а я коров пасу... Детская забава! А теперь еще — ашал! Сам надумал, безмозглая голова!»

Люди собрались уходить, перелистывали газеты.

— От кого письма? — спросил председатель Байзака.
— Вот от Урманджана.— Байзак перебирал конверты.— От отца Камилы тоже есть! На-ка, занесешь.

Тураджан так и вздрогнул,— Байзак протянул ему серый треугольничек с печатью и адресом. Парень молча взял письмо, сунул его за пазуху.

Раис-бобо вышел проводить уполномоченного, а возвратившись, подозвал Байзака:

— Вчера этот поляк приходил. Что-то говорил, а я не понял. Велел ему сегодня прийти, когда ты приедешь. Но почему-то нет его. Сходи-ка, узнай.

— Хорошо, аксакал. Только разнесу газеты.

В правлении потушили лампу. Тураджан в одиночестве брел темной улицей и размышлял: самому отнести письмо или мать попросить? В поздний час явлюсь — что скажут?

8

Как только сумерки упали на землю, Камила собралась навестить свою учительницу Рахбар.

Люди возвратились с работы. Всюду дымились тандыры. Рахбар-апа, завуч школы, в эти дни, в разгар лета, работала, пожалуй, еще больше обычного: младшие классы только что разошлись на каникулы, а у старших учеников экзамены в разгаре. Еще неделя, полторы — и у них тоже наступит пора отдыха. Но сейчас, в военное время, колхоз не может организовать лагерь или хотя бы детскую площадку. И заботой Рахбар стало — как бы ребят привлечь к посильному труду, чтоб не слонялись без дела. Да ведь нельзя оставлять без внимания и тех, кто уже закончил семилетку, но в город не уехал учиться.— таких, как Тураджан и Камила. А вот теперь еще этот скандал, который затеяла Зулайха, ее грязное словечко, пущенное при людях... Оскорбили девушку, и теперь она со стадом больше не пойдет.

С такими мыслями Рахбар-апа поджидала Камилу к себе в гости для решающего разговора о будущем.

А в это время Камила заканчивала письмо к отцу. Написала, сложила, заклеила... Больше заняться нечем. То ли дело со стадом на пастбище... В дневные часы кишлак пустеет — ни души. Но вот, наконец, сумерки. Едва мать

вернулась с работы, Камила ей передала разговор с учительницей.

— Так и сказала, дескать, с мамой поговори? — переспросила тетушка Ризван, сидя на топчане во всем рабочем, еще не переодевшись. — Ну, а ты-то сама, дочка, согласна?

— Да, она с вами поговорить советовала. — Камила была рада, что мать, видимо, благосклонно относится к предложению учительницы. — Если вы согласны, сейчас пойду скажу ей. Она так велела...

— Иди, дочка. И берись за дело, какое даст.

Рахбар-апа приветливо встретила свою бывшую ученицу. Они сели на топчане возле дома, под окном, поговорили немного. Свет керосиновой лампы из окна отблесками ложился на загорелые щеки и лоб девушки, учительница любовалась ею.

— Так что же, больше не пойдешь со стадом?

— Нет, нет! — Камила помотала головой.

— Тураджана, значит, покидаешь одного? Опечалится парень. — Ей хотелось самой проверить, что за отношения складываются между юношей и девушкой.

И Камила выдала себя — вспыхнула, насупилась, уставилась в землю. С ответом не нашлась... Учительнице этого было достаточно.

— Ну, дело сейчас в другом, — она ласково прикоснулась к плечу девушки. — Раз ты и твоя мама согласны, завтра же приходи в школу. Я тут прикинула без тебя... Вожатой будешь у шестого класса.

— Мне можно идти? — Камила поднялась.

— Да, милая, до свиданья! До завтра!

Выйдя на улицу, девушка почувствовала, как от сердца отлегло. Вокруг тихо, темно. Ребята пока еще не вышли поиграть перед сном. Она брела, погруженная в раздумье. Вдруг позади чьи-то шаги, кто-то нагоняет ее прямо на середине улицы, идет по самой пыли, видно, в галошах на босу ногу... И секунду спустя — голос, знакомый, от которого все внутри задрожало:

— Камила!

Когда Тураджан возвратился из правления, ужин его успел остыть. Мать еще хлопотала по дому.

— Поздно же ты, сынок,— проговорила она с обидой в голосе.— Подогреть тебе?

Только сейчас он почувствовал, что проголодался: весь день был занят делами — до еды ли тут? Он сел на топчан, потом прилег.

Здорово же он утомился! Мать принесла котелок, стала разжигать керосинку.

— Письмо есть от отца Камилы,— сообщил Тураджан, достав из-за пазухи треугольник. Сказал вроде бы спокойно, а матери показалось: радуется сын, что письмо для Камилы.

— Что же он пишет? Здоров?

Тетушка Салима вмиг забыла все хлопоты. Еще бы! Муж Ризван, отец Камилы — ровесник и друг ее мужу, вместе в армию взяли, да и служат вместе... Когда пишет один, обязательно про другого весть подает, и каждое письмо долго таскают они из дома в дом.

— Я не читал.

— Как?! Чего же ты?

— Да нехорошо это, мама, читать чужие письма.

— Ва-ай, скажите, пожалуйста, какой стал культурный! — Салима была поражена, подобного у них еще не бывало.— Ну, и не читай! Сейчас Камилу прочесть попрошу. А ты сбрось-ка живей свои лохмотья!

Тураджана позабавили слова матери. Он сбросил телегрейку, прошел в дом. И внезапно в нише на противоположной стене заметил большую эмалированную миску — белую, расписанную красивыми крупными цветами... Что это? Тураджан привык видеть в доме одни и те же вещи и всегда на своих обычных местах, поэтому новый предмет не мог не привлечь его внимания. Где-то он ее уже видел, эту миску. Ах, да! Вспомнил! У поляка этого, Дворжеска, в его тесной темной каморке! Ему тотчас вспомнилось, как они приходили туда втроем и эта миска приглянулась Байзаку... «Не зарься ни на что в разоренном доме», — сказал тогда раис-бобо.

С миской в руках Тураджан вышел во двор.

— Мама, это откуда?

Салима расстилала дастархан, обернулась к сыну.

— А, миска-то? Да у беженцев выменяла. Девушка приходила, такая пригожая... Что-то говорит. Я поняла, что продает. Ну, и вынесла ей зерна с килограмм. Она убежала, довольная...

— Как же... как можно, мама?

Тураджан остановившимися глазами смотрел на мать, но видел вновь и вновь темную убогую каморку, солому на полу, высохшую старуху, возле нее девушка — юбку короткую поспешно одергивает, смотрит испуганно.

— Ты о чем? — мать явно не понимала его. — Я же не задаром. Сами принесли, плату получили...

Но Тураджан все так же молча, с укором смотрел на нее, и тетушка Салима начала догадываться, что она совершила. Все женщины в кишлаке порой делают то же, верно, могут выменять нужную для дома вещь. Но разве так поступать завещали предки? «В разоренном доме не зарься ни на что». Салиме с детства запомнился такой завет. А сейчас... муж ее где-то в чужих краях, жизнью своей рискует... Сын — вот он — с молчаливым укором смотрит на нее... Ведь это она им, мужу и сыну, беду накликает!

— Вай, что же теперь делать? — Салима уже готова была расплакаться.

— Что делать? Отнести тому, у кого взяли. — Тураджан сразу смекнул, как использовать настроение матери.

— Да отнеси ты ее, сынок! Отнеси ее скорее...

— Сейчас. — Тураджан присел возле чашки с шурпой, отхлебнул несколько ложек. — Только зачем же нести пустую? Там дети голодные. Зерна килограмм насыпать — будет в самый раз.

Тетушка Салима кинулась в кладовку.

— Еще и курту два-три шарика не мешало б добавить, — доедая шурпу, подал голос Тураджан.

— На, сынок, неси. — Салима подошла к топчану с полной миской в руках.

Он вышел на темную безлюдную улицу. В этот поздний час прохлада уже опустилась на землю. Отовсюду доносились стрекот, щелканье, тонкое подсвистывание — живые голоса ночи. Собаки бедные целый день задыхались от зноя, высунув языки, а теперь ожили, во всех концах кишлака давали о себе знать залиvistым лаем. Кое-где ребятишки весело перекинулись, забыв, что пора по домам, да и спать... Тураджан в это время обычно на улицу выходит босиком, а тут, невесть почему, сунул ноги в материны галоши — в них легко шагать по мягкой пыли. Он дошел до самого дома, где поселился Дворжек с семьей, и не встретил ни души. И хорошо, что не встретил, а то

непрерывно пришлось бы отвечать, куда он направился с этой диковинной, нездешней миской в руках, да еще не пустой... Толковать об этом не было охоты.

...Так и есть: вечер прохладный, тихий, а эти чудные поляки торчат в тесной, душной каморке. Видно, нет у них обычая — выйти всем посидеть на воздухе, во дворе... Размышляя об этом, Тураджан осторожно постучал в дверь. Точно так же, как и в прошлый раз, дверь сперва не открывали, только слышались приглушенные голоса. Потом она приоткрылась, и пан Дворжек настороженно оглядел позднего гостя, тотчас заметил у него в руках миску. Проговорил учтиво:

— Прощэн далэй¹.

— Здравствуйте,— четко выговорил Тураджан заученное еще в школе слово, ступая в каморку следом за хозяином.

Потирая ладони и не переставая кланяться, поляк что-то быстро говорил на родном языке — ничего не понять. Не выпуская из рук миску, Тураджан оглядел всех в каморке. Только одна старуха сидела на прежнем месте, в углу на соломе. Кристина, с ложкой в руке, склонилась над керосинкой. Франтишек притулился возле окна, не скрывая удивления, разглядывал гостя. Пани Раилы сегодня не было видно.

— На, Кристина, возьми,— тщательно подбирая слова и так же тщательно их выговаривая, Тураджан протянул миску девушке. Та обернулась — и замерла, не зная, как поступить. Может, это чудной человек миску принес и зерно потребует обратно?

— О-о, зачем? — с удивлением и благодарностью, все сразу поняв, проговорил Дворжек.

А Тураджан, подождав еще мгновение, сам высыпал зерно в пустую тарелку, что стояла на полу возле керосинки, миску отнес и поставил на ее прежнее место, в стенную нишу, — там он ее видел. Потом из-за пазухи достал завернутые в чистую тряпицу катышки курта, сперва дал Кристине, потом Франтишеку. Улыбка едва коснулась лица девушки, она кротко склонила голову, поблагодарила. А мальчуган улыбнулся весело и открыто.

— Ми-иломи², пане! — низко кланяясь и прижимая

¹ Пожалуйста, входите.

² Благодарим.

руки к груди, опять протянул Дворжек, потом заговорил о чем-то часто-часто, худое лицо его смягчилось.

Ничего не поняв из его слов, Тураджан погладил русые волосы Франтишека, с упоением сосавшего курт,— пора было удаляться. Но Дворжек, уловив его намерение, с неожиданной проворностью скользнул в прихожую и тотчас вернулся с новеньким стеклом для керосиновой лампы, изготовленным, конечно, из бутылки.

— Пане,— он склонился перед Тураджаном,— прошэн!

Парень взял в руки подарок, оглядел — стекло хоть куда, не хуже фабричного. Дарит, что ли? Нет, неудобно взять... И он протянул стекло хозяину.

— Ни, ни! — тот замотал головой.— Прошэн! Вам, вам!..

Тураджан смутился. Предостережение раиса крепко засело в памяти. А если не взять, обидишь хозяина. «Ладно, возьму,— решил он наконец.— Сам ведь сделал». Дворжек вздохнул с облегчением. Впервые за весь вечер улыбка озарила прелестное личико Кристины. Старуха тоже что-то пробормотала, наверное, молитву.

И тогда Дворжек спросил, уже без поклона, с лицом озабоченным:

— Пане... А штекло, гдзе штекло?

Тураджан понял и тотчас вспомнил, что он обещал собрать в школе ненужные колбы, пробирки, стеклянные трубки. Пообещал, но не сделал...

— Будет... завтра,— после некоторого замешательства проговорил Тураджан.

— А, други дзэнь! Добже, добже...

— До свидания! — попрощался, наконец, гость.

— Жегнайцэ!¹ — Хозяин изогнулся в учтивом поклоне, после чего проводил Тураджана до середины улицы.

Когда Тураджан завернул за угол, заметил кого-то впереди. Кто же это? Он прибавил шагу. Похоже... Ну да, так и есть! Да ведь это Камила!

— Камила! — вполголоса окликнул он, даже не успев подумать, нужно ли.

Девушка не обернулась, но шаги замедлила. Он догнал ее, ему не терпелось спросить: почему она в такой поздний час не дома?

¹ До свиданья!

Этот же вопрос возник и в сознании Камилы. Оба, однако, не решались заговорить, так и шли, поравнявшись — только по разным сторонам улицы. Каких-нибудь два шага сейчас разделяли их — неразлучных друзей на протяжении стольких лет, когда они вместе учились, вместе играли, работали вместе. И эти два шага — не переступить, не преодолеть...

Что же произошло? Ни тот, ни другой не могли бы дать ответа. Оба испытывали чувство новое, незнакомое — оно и пугало, и согревало сердце. Вот и сейчас оно мешало Тураджану задать Камиле самые простые вопросы: почему она не пришла утром на работу и откуда возвращается так поздно? Вместо этого он проговорил, опять неожиданно для себя:

— А я был у пана Дворжека...

Камила не отозвалась, но сейчас же подумала с тревожным любопытством: что он делал у поляка? Между тем Тураджан, уже немного успокоившись, спросил:

— Камила, ты почему на работу не ходишь?

Ей не хотелось пересказывать все, что случилось за минувшие два дня. Ответила коротко:

— Я теперь работаю в школе. Рахбар-апа меня приняла.

Значит, верно он предчувствовал: со стадом она больше не пойдет... Тураджан с трудом подавил горестный вздох.

— Кем же ты будешь работать в школе?

— Пионервожатой.

Опять оба умолкли. Тураджан только теперь вспомнил: в руках у него ламповое стекло. Да, ведь он обещал Дворжеку... Вот как удачно!

— Камила! Просьба у меня к тебе.

Она настороженно взглянула на Тураджана.

— Какая просьба?

— Ты теперь в школе... — он преодолел неловкость. — Там, в кабинете химии, верно, найдутся негодные колбы, пробирки, трубки. Собери их, пожалуйста, и принеси мне. Я бы сам это сделал, да некогда — уйду рано, возвращаюсь под вечер... А тебе в самый раз...

— Кому нужно? Вам?

Тураджан удивился. Почему — «вы»? И тотчас понял: отныне только так она будет к нему обращаться... В груди потеплело.

— Нет, не мне, Дворжеку. Он стекла делает, вот такие.

— Хорошо, если Рахбар-апа позволит.

Молча они подошли к дому.

— До свиданья! — коротко бросила девушка и заспешила уходить.

Тураджан остановил ее:

— Камила! погоди... Письмо есть. От твоего отца.

— Ой, неужели?! Где же оно? И почему вы до сих пор молчали?

— Моя мама собиралась к вам отнести его.

— Ох, спасибо, Тураджан-ака!

«Вы», «Тураджан-ака», — снова и снова звучало у парня в ушах. И таяло сердце, и кружилась голова... Он не помнил, как вернулся домой, лег и уснул крепким-крепким сном.

10

Так уж всегда бывает: радость и печаль идут рядом.

Весь день, с раннего утра, когда стадо вышло на летнее пастбище, затем и в полдень, когда коровы от слепней спасались в арыке, на привале и позже, когда вдвоем с новым подпаском гнали стадо обратно в кишлак, Тураджан словно бы заново открывал для себя во всем окружающем доселе неведомые краски, звуки. А было-то — всего лишь короткий разговор с Камиллой.

Будто могучие крылья выросли у него. Силу этих крыльев он словно бы ощущал ежеминутно, до того, что хотелось смеяться и тут же плакать слезами счастья... Скажи ему сейчас кто-нибудь: «Достань змею из норы», — достанет, не дрогнув. «Раздроби гору в мелкие крошки», — раздробит гору, сил не пожалеет... Об одном только не вспоминалось ему ни разу на протяжении этого неповторимо прекрасного, волшебного дня, — о том поручении, которое дал ему накануне раис-бобо. Тураджан вспомнил об этом лишь в тот момент, когда стадо вернулось в кишлак и остановилось неподалеку от правления. В один миг развеялись, точно птичьи перья на ветру, все его юношеские грезы. «Придется выполнить — иначе позор. Больше ведь и некому. Торбу на плечо, ведро в руки: «Ашало-ол!» Стыдно-то, как будто милостыню собирать! А Камила что скажет?..» Вскоре, однако, пришло утешение, мысли при-

няли иной оборот: «Ведь это я не себе — несчастным людям, изгнанникам... Сколько они всего пережили, бедные! Мы дали им пристанище, нужно дать и хлеба кусок... пока окрепнут. А там и они нам помогут...»

Солнце между тем повисло у самого горизонта, и птицы, разместившись на деревьях и выступах крыш, оглашали воздух нескончаемыми трелями — словно только они одни видели, что солнце тонет вдали, за темной чертой, и спешили поведать об этом миру. Тураджан шагал, не видя никого вокруг, и мнилось ему: встречные уже сейчас глядят на него с осуждением. Только за что? За то, что он взялся ходить по дворам, как будто подаяние просить? Или наоборот — за то, что готов отречься от своих обязательств и несчастных изгнанников лишить единственной помощи?..

Со стороны правления показался хромой Байзак.

— А-а, Тура! Поди-ка сюда.

Тураджан подошел, ожидая, что скажет секретарь. Тот жестом пригласил его за собой. Уже в коридоре Тураджан увидел возле окна большое чистое ведро, два мешка из брезента защитного цвета. Байзак кивнул на них:

— Это тебе.

Парень остолбенел.

— Ну, чего ж ты? Не нравится? Аксакал велел еще немного подождать, пока люди с работы вернутся. Я и сам с торбой пойду.

— Байзак-ака, так это... что же?! Ведь стыдно...

— Стыдно, говоришь? — Байзак усмехнулся. — Перед кем, за что?

— Да ведь как-то... не приходилось...

— Ну вот что: я сам с вами пойду. Не испугаюсь, пожалуй. Так как, идешь или нет?

— Иду... — У парня будто тяжкий груз с плеч сняли.

— Вот и молодец! Сходи домой да побыстрее назад.

Возле правления Тураджана ждал Сергей. Они вдвоем направились домой к Тураджану, выпили по целой миске катыка. А когда Сергей собрался было к себе, Тураджан остановил его:

— Не ходи. Ашалол собирать будем.

Парнишка не понял, и Тураджан принялся объяснять, что это за штука — ашалол. Похоже, Сергей так и не понял до конца, но раз велят, остался. Тураджан еще немного прибрался по дому, вдвоем они почистили в хлеву, ко-

рове сена подбросили. Когда зажгли лампу, вернулась с поля тетушка Салима, и ребята пошли опять к правлению. Оказалось, что председатель так и не приходил, а Байзак их поджидает. Завидев ребят, он шутливо приосанился — подтянул голенища кирзовых сапог, засучил рукава своей поношенной гимнастерки, заломил козырек треугольной казахской шапки. Точь-в-точь разбитной торговец на большом базаре.

— Разбирай мешки! — Он наморщил лоб, с видом притворно-глубокомысленной озабоченности поглядел по сторонам: — Ну, шагом марш, ребятки!

Он подхватил ведро и, прихрамывая, двинулся к околице кишлака. За ним ребята. Стемнело, на улицах было безлюдно. В доме на самом краю кишлака живет Мусамулла. Как говорится, у хромого нога легкая, — и Байзак шагал так проворно, что Тураджан с Сергеем едва за ним поспевали. Он обернулся, махнул рукой: живее! В ворота стучать не стал — откинул защелку и прямо во двор. Не успели ребята войти, он уже встал возле тандыра и протяжно возвестил:

— А-ша-ло-ол!..

Залился лаем рыжий, с подпалинами, лохматый пес, привязанный чуть в сторонке от ворот.

— Тихо, Алапар! — прикрикнул на него кто-то невидимый из глубины двора, где высился стожок соломы. Вскоре оттуда показался невзрачный старикашка, сам хозяин, Мусамулла.

— Ассалам алейкум, почтеннейший! — приветствовал его Байзак.

— Ва-а-лейкум... Проходите, пожалуйста!

— Вот, ашалол собираем.

— Ах! — старикашка сморщился, потом заискивающе улыбнулся. — Хе-хе, да что же вы тут наберете, в доме, где всего лишь старик со старухой? Сами едва перебиваемся. — Он поставил свой кувшин на край тандыра. — Корову имеем, верно. Да только и она перестала давать молоко с того дня, как Гыяса взяли... Что ж это, право, такое, братец Байзак: дают разным голодранцам-соплякам за скотиной ходить?!

Тураджан так и обмер. Это, значит, они виноваты? Они — голодранцы и сопляки?! Окаянный святоша, скряга несчастный! Будь ты неладен!

Байзак, видимо, тоже был озадачен. И ведь не пристыдишь, не ровесник перед ним — человек в преклонных годах. Пожалуй, нечего тут делать. Байзак уж собрался уходить, когда из дому вышла старушка, жена муллы, с миской в руках.

— Добро пожаловать, сыночки! — негромко приветливо заговорила она. — Мы сегодня не варили, да уж чего-нибудь наберу. Вон хоть катыку...

— Мамаша, спасибо вам. А особенно за то, — Байзак наклонился к ней, — что вы на старика вашего, скареда, не похожи!

Катык перелили в ведро, низко поклонились гостеприимной хозяйке. Перед следующим домом Байзак, чтоб не подумали ребята, будто он пал духом, возгласил еще громче прежнего:

— А-ша-ло-о-ол!

Ворота мгновенно растворились, вышла старушка с деревянною плошкой, в ней зерно.

— Пусть бог наградит вас благополучием, сынки! — зачастила она. — Вот как славно придумали! А я в самый раз зерно поджарила... Ну-ка, развязывай торбу-то, — велела она Тураджану, затем высохшими трясущимися руками пересыпала в мешок зерно из плошки, бормоча молитву.

Следующий дом — тетушки Мастуры. Она, видно, только-только пришла с работы, запалила огонь в очаге — растопка еще не прогорела, отблески пламени освещали забор и стену дома.

— Ашалол! — коротко объявил Байзак, подходя к очагу, где хозяйка с чумичкою в руке хлопотала над казаном, то и дело рукавом смахивая пот со лба. Оказывается, она тоже зерно поджаривала. Трое ребятшек, малюшка меньше, крутились возле нее, один мальчуган, подбирая летящие наземь зернышки, чуть было не угодил в огонь...

— Куда ты, пострел негодный?! — с отчаяньем в голосе прикрикнула мать, тотчас заметила вошедших, засмушалась: — Проходите, проходите, милые! Сейчас, погодите немножко...

...Так они обошли еще дворов пять, и следом за ними увязалось с полдесятка мальчишек. Вместе с Байзаком они звонко возвещали: «Ашалол! Ашалол!» Все это приобрело теперь вид веселой забавы. У Турадждана отлегло от

сердца, а Сергей балагурил заодно со своими сверстниками.

Ничего не получили сборщики только в доме тетки Хадичи — Информбюро.

— Вай, светики мои! — с пустыми руками встретила она их еще в воротах. — Да ведь ничего же я сегодня не варила. Позже я огонь всегда разжигаю, много позже! А если бы еще намеревались узнать, мол, пойдут ашалол собирать по дворам... Уж я бы с самого утра что ни на есть сготовила. Вах, вах! Стыд-то какой, сыночки.

— Ладно! — оборвал ее Байзак, зная, что иначе она не замолчит. — И на добром слове спасибо. А на нет и суда нет.

Приблизившись к дому Зулайхи, Байзак резко повернул в сторону. Ребята в первый момент удивились. Тураджан решил: должно быть, не захотел он тревожить женщину, только что получившую известие о гибели мужа.

Следующий двор — тетушки Ризван, матери Камилы. Кто выйдет на возглас?

С тихим скрипом отворилась калитка, на пороге появилась Камила в уже знакомом Тураджану платье. В руках фарфоровая каза. Молча оглядела она ребят, не спеша подошла к Байзаку. Все так же ни слова не говоря, опрокинула каза в ведро. Мальчишки, видя, что взрослые молчат, тоже сперва приумолкли и минуту спустя уже мчались к следующему двору, оглашая темную улицу звонкими голосами:

— А-шало-ол!..

Так оно и шло до самого конца — началось как будто в нерешительности, а обернулось радостью.

Много нового, дотоле неведомого увидел в этот памятный вечер Тураджан в родном кишлаке, где, казалось бы, знал всех и каждого, что называется, вдоль и поперек. Нет, оказывается, не знал... Про иного привык думать: человек открытой души, щедрый, а на поверку вышло, что и обмануть горазд. Тут проявилось, кто приветлив, а кто и волком глядит на человека, если тот приходит не дать, а взять. Разбираться в людях — вот чему начал в этот вечер учиться Тураджан.

...Он не заметил, как обошли они больше половины кишлака. И дальше пошли бы, если бы не встретили раиса.

— Ну, как дела? — раис-бобо держал Гнедого в поводе, плетью ударяя себя по голенищу сапога. — Есть какой-нибудь толк?

Байзак молча поставил перед ним ведро. Проговорил, кивнув на Тураджана и Сергея:

— Вон, еще и мешки полные. Там лепешки, зерно жареное, толокно...

— О-о, молодцы! — председатель был доволен. — Да-а, не пропасть такому народу, раз в нем столько доброты, душевности... Все заодно! Все вместе кулаки поднимут — в прах любого врага расшибут. Ложками море вычерпают...

Мальчишки гомонили совсем рядом — уже затеяли игру в лапту, еще не остыв, не успокоившись после беготни по всему кишлаку. Взрослые на них не сердились — пусть себе режутся, с ними веселее.

— Значит, так, — проговорил раис-бобо. — На сегодня хватит, а то уж поздно, людей беспокоить не годится. Денька через два опять пойдете к тем, у кого не успели побывать.

— Хорошо, аксакал.

— А ты что скажешь, Абдутура?

— Что ж, согласен...

— Теперь надо распределить.

— Да это просто, — отозвался Байзак.

Председатель обернулся к Тураджану:

— Давай ты берись. Начни с тех семей, которые к нам раньше прибыли. Ну, и гляди, у кого сколько ртов...

— Хорошо.

— Кончишь, приходи в правление.

Тураджан, жестом указав Сергею, чтоб следовал за ним, направился прямо к Дворжекам. «Что за дело у раиса ко мне?» — раздумывал он по пути.

Поздним вечером Тураджан, наконец, управился с делом, непривычным и хлопотным. Утомился вконец и поволноваться пришлось: ведь нужно было и не обделить никого, и лишнего не дать, чтобы другим досталось... В общем, получилось все не так уж плохо. Наконец, отведя Сергея к отцу, Тураджан пошел в правление. Вошел — и застыл от изумления: на скамье возле стены, как будто его и не призывали в армию, сидел и улыбался во весь рот Разык. Что же произошло?

— Ага, пришел? Вот какие дела, Тураджан. Не взяли все-таки в армию нашего Гыяса. Остальных провожаем по-

слезавтра. Ты еще день с Гыясом поработаешь, а потом — на хирман, к Сали-аксакалу.

Тураджан от радости слова не мог вымолвить. Наконец-то сбываются его мечты!

Все дела, очевидно, здесь уже решили до его прихода. Люди поднялись, заговорили разом. В этот момент кто-то робко постучал в дверь. Все замолкли, переглянулись: стучаться — нет здесь такого обыкновения... Байзак первый поднялся, отворил дверь. За нею, тиская в руках поношенную шляпу, стоял Дворжек. Сынишка, Франтишек, выглядывал из-за его спины.

— Пожалыста, пан Дворжек! — с шуточной церемонностью Байзак пригласил их войти.

Все ожидали, что последует дальше. Кланяясь направо и налево, поляк ступил в комнату. Он казался растерянным, смущенным, не сразу выговорил, обращаясь к раису:

— Вечур добры'!..

— Садис, — предложил Байзак.

— Бардзо¹.

Он уселся на стул возле двери. Что-то он, видимо, хотел сказать, но не хватало смелости. Поглядев на сына, он осторожно вытянул из-за пазухи самодельное ламповое стекло, подул на него, обтер снаружи рукавом, встал с места. Прикрыл фитиль у лампы на столе, снял полуразбитое, залепленное бумажкой стекло, а на его место водрузил свое, вывернул фитиль. В комнате сразу сделалось светлее.

— Спасибо, товарищ Дворжек! — на своем родном языке поблагодарил его раис-бобо. — Значит, Абдутура исполнил обещание.

— Нет, я... — Тураджан замялся. — Руки у меня не дошли. Ну, попросил Камилу...

Дворжек пытался уловить, не о нем ли речь.

— Спроси, Байзак, — велел председатель. — Принесли ему стекло?

— Девушка стекло принесла вам? — тотчас спросил Байзак.

— Штекло? Ах, дзевчина пшипецы... вчера². — Он заулыбался. — Бардзо! Бардзо!

Тураджан облегченно вздохнул: спасибо, выручила Камила!

¹ Благодарю.

² Девушка принесла... вчера.

— Пан пшешедатель,— увидев, что все заулыбались, проговорил Дворжек, помолчал, затем взял за плечо сынишку, выдвинул вперед.— Прошэн... Хциялбим¹...

Никто не понял его.

— Чего хотел? — спросил, наконец, Байзак.

Поляк легонько подтолкнул Франтишека к Тураджану.

— Робаци, вмешта...²

— А-а, вон чего! — Байзак улыбнулся.— Пускай, говорит, работает вместе с Тураджаном.

— Очень хорошо! — Раис-бобо подошел к Дворжеку, положил ему руку на плечо.— Спасибо!.. Ну вот, Абдугура, твоего полку прибыло. Денька два поучи его, пусть привыкнет.

— Пожалел бог нашего Панамайш-ака! — усмехнулся Байзак.— Теперь потешит свою душу — наговорится порусски.

Все были довольны тем, что нужное дело сладилось так легко.

11

Запахом спелого зерна напоен воздух над кишлаком. Уже больше двух недель, как начали жатву ячменя, а пшеницу убирают всего лишь второй день. Работа в самом разгаре. На нивах, где урожай собран и остались лишь одни короткие светло-желтые будылья, школьники во главе с Камилой подбирают последние колоски. А чуть поодаль женщины, девушки, в туго повязанных разноцветных платках, вилами забрасывают солому на брички и арбы.

Тураджану нет покоя уже больше недели. Стадо он вновь передал Гыясу, у которого теперь подпасками Сергей и Франтишек, а сам — на хирмане, в распоряжении бригадира Сали-аксакала. Он работает на приемке зерна — на весах, оттаскивает уже взвешенные, доверху набитые мешки, приглядывает, как нитками из верблюжьей шерсти сшивают из грубой ткани новые мешки и латают старые Кристина и Манзура — невестка Мусы-муллы. И к вечеру, когда темнеет, он и еще несколько подростков нередко отправляются в город на пункт заготовки зерна

¹ Я бы хотел...

² Работать, вместе...

с караваном ишаков, груженных мешками. Таким энергичным, проворным да ловким сделался Тураджан, такой удивительный подъем духа ощутил с того дня, когда исполнилась его заветная мечта! И люди как следует узнали Тураджана, теперь его имя у всех на устах. Как только сойдутся двое-трое словоохотливых стариков — про Тураджана речь заведут непременно: вот так джигит, удачи ему во всем! В любом деле первый. Глядите, как собрал он огольцов сопливых да с ними на ишаках возит зерно, государству сдает! Спасибо отцу его за такого сына! Верно говорят, что слава делами добывается. А затея Тураджана — собрать, по старинному обычаю, ашалол — очень ведь помогла колхозу. Поняли приехавшие горемыки, что колхоз заботу о них проявляет, трудятся на совесть. Лучший тому пример — старик Опанасенко. Не отходит от бригадира Сали-аксакала, на хирмане от зари до зари. Туго подпоясанный, на голове высокая бесцветная от летнего жара фуражка с какой-то крупной булавкой, которая ослепительно сверкает в лучах солнца каждый раз, когда он распрямляет спину, провеивая зерно. Он и Сали-аксакал вместе работают на открытом месте, где ветер со всех сторон.

Чуть поодаль, за скирдой, день и ночь стучит, не зная отдыха, паровая молотилка.

— Давай, Апанас! — покрикивает на своего напарника бригадир в те минуты, когда ветер усиливается. Покрикивает, будто они давние друзья бог знает с каких времен.

Пан Дворжек без колебаний отправил Франтишека в распоряжение Гыяса. И Кристина работает подручной у Манзуры, их дело мешки готовить, завязывать наполненные мешки, досыпать, где не доверху, а инсгда помогать в погрузке мешков на арбы. Даже пани Раила, неприступная, необщительная женщина, и та с утра выходит в поле вместе с ребятишками подбирать колоски, а после обеда возвращается домой — приглядывать за хворой свекровью. Ну, а сам Дворжек без усталости мастерит лампы для колхозного люда, притом платы не берет. Верно, он то и дело наведывается в город, никому не известно, с какой целью. А недавно зашел он к старику Ирис-Кельды, отцу Байзака, единственному в кишлаке человеку, промышляющему охотой. Поляк подарил ему собственноручно изготовленную лампу и попросил добыть для него зайчика. «Хоп!» — только и ответил охотник, зайца убил и доста-

бил ему через два дня, но напрасно. Оказывается, не поняли они друг друга: Дворжеку нужен был заяц живой. Охотник Ирис-Кельды смутился, поохал, но делать нечего — на завтра тащит поляку другого зайца, живого, хотя и подбитого. Ведь известно: когда по зайцам дробью пальнешь, едва уцелеет один из десяти. Старик спрашивает: что, мол, ты с живым зайцем станешь делать? «В город повезу,— отвечает Дворжек.— Там ксендз заколет его. Вернусь, матушку мою хворую этим мясом накормлю. Другого мяса она не принимает...»

В тех семьях беженцев, что прибыли совсем недавно, оказалось несколько мальчуганов постарше. Их направили в распоряжение Тураджана возить в город зерно.

Уполномоченный с рассвета до позднего вечера оставался на людях. Всего неделя прошла, но уже от зноя, пыли невозможно различить, какого цвета его кепка, его вышитая по вороту украинская рубашка, подпоясанная шнурком с кистями — все сделалось темно-серым. Усы тоже утратили свой прежний вид. Защитного цвета брезентовые сапоги пообтерлись, щегольские галифе обвисли мешком. Чем-то с первой же встречи, с первого взгляда не по сердцу пришелся Тураджану этот человек. Даже и не понять, чем именно... Вроде ничего дурного ни разу не сказал он самому парню или еще кому-нибудь из колхозников. Однако с первых дней все заметили: уполномоченный хотя, случалось, и посоветуется с умудренными опытом стариками, на словах даже согласие выразит, но сделает все равно по-своему и вообще как будто знать ничего не желает, кроме плана, а на работе у него с уст не сходит единственное словечко: «Давай, давай!» По всему видать, для этого человека нет ничего на свете важнее, чем его собственный престиж в глазах районного начальства. Если что ему представляется нужным — немедленно должно быть выполнено, а как дальше в колхозе пойдут дела, ему вроде безразлично. Вот за это, наверное, многие недолюбливали уполномоченного, не один Тураджан...

В эти горячие дни, само собой, нет ни минуты покоя председателю. Каждый день его можно увидеть всюду, где работают колхозники. Только на хирманах раис-бобо появляется не слишком часто — здесь уполномоченный развернул свою деятельность. Ну, а на окупку да чеканку хлопка — главные заботы в летнее время — председателю самому приходится искать работников. Да еще чабанам

в подмогу люди нужны... А людей — где ж их возьмешь, когда жатва зерновых в разгаре? Да ведь время уже подумать и о заготовке кормов на зиму. Не пошлешь людей — упустишь сроки, все сгорит, посохнет, а если скосишь высохшее — скотина есть не станет, все в убыток... Мало того — подошло время последней окучки на бахчах, которые вдоль арыка. И помощи ждать неоткуда. А заботы — что ни день одна на другую набегают...

Возле арыка, в том месте, откуда рукой подать до каждого из трех хирманов, раз в день для работающих готовят горячую пищу. Сюда в обед сходятся все от мала до велика, едят, рассаживаясь прямо на траве, тут же и отдыхают.

...Лето в самом разгаре. Миражи проступают на горизонте, дрожат в горячем мареве... Даже беспечные жаворонки приумолкли.

Ежедневно в обеденное время Сали-аксакал, как издавна повелось, со всего маху колотит в заржавленный лемех, что висит на иве. Гулко раздаются удары. Тотчас люди отовсюду начинают стекаться к хирманам. Первыми обычно являются предводительствуемые Камиллой ребяташки, которые подбирают оставшиеся колосья. Они толпятся вокруг весов, каждый протягивает Тураджану свой мешочек, только успевай принять, кинуть на весы, отметить в тетрадке, сыпать на ток. Редко приходится теперь встречаться Тураджану с Камиллой, должно быть, оттого, что и у того и у другого много забот: Тураджан на приемке урожая, Камила со школьниками. Ну, а тут, на хирмане, постоянно люди толпятся. Девушка старается реже появляться на хирмане, обходит стороной. В обед, правда, уж никуда не денешься, но и в это время Камила со своими питомцами всегда усаживается где-нибудь в сторонке. Тураджан все, конечно, замечает. В душе — и обида, и тревога. Что с ней? Может, кто-то бросил грязное словечко наподобие того, которое недавно пустила непутевая Зулайха?!

...Вот девушка появилась на хирмане. Мешок, до половины наполненный колосками, перекинут через плечо.

Подошла к весам, скинула свой мешок. Старается не смотреть на Тураджана. Только поздоровалась негромко.

— Восемнадцать килограммов, — определил Тураджан.

— Пожалуйста, запишите, — она так и не подняла на него глаз.

Девочка-школьница рядом улыбается, видно, рада за свою вожатую: много та собрала. Тураджан, скрывая удивление и беспокойство, что-то пишет у себя в тетради. Вместе с девочкой Камила отходит, садится поодаль на полусожженную траву. К казану с шурпой она не идет сама — все та же девочка приносит ей полную миску.

Между тем была причина, из-за которой Камила в эти дни сторонилась Тураджана. В тот памятный обоим вечер девушка решила в точности исполнить его поручение — собрать в школе для Дворжека всякое ненужное стекло. Наутро она, стараясь казаться невозмутимой, попросила об этом позволения учительницы Рахбар.

— Для чего это тебе? — подивилась та.

— Дворжеку я обещала отнести.

— Вот как. А ему зачем?

— Он ламповые стекла делает... — теперь Камила уже больше не могла скрывать смущения.

— Тебя кто-нибудь об этом попросил?

Девушка залилась краской. Назвать Тураджана? Ни за что!

— Да... Раис-бобо, — она не смела поднять глаза.

«Председатель знает, что в школе есть негодные пробирки?» — про себя подивилась Рахбар-апа, однако попытаться не стала.

— Хорошо, возьми.

У Камилы отлегло от сердца. Слава богу, вовремя сообразила назвать раиса! Не то выскочило бы: Тураджан. Сразу сделалось бы явным то, о чем, видимо, допытывалась накануне учительница...

Тогда же, под вечер, она собрала по всей школе полуразбитые пробирки, колбы, разного рода стеклянные трубки, завернула в полотнище старого выгоревшего под солнцем плаката и отнесла Дворжеку. На ее стук вышла девушка-красавица: черные брови, черные спереди коротко подстриженные волосы. Дочь хозяина — Камила ее и видела-то всего раз-другой. Молча приняла она из рук пришедшей узел со стеклом — знала, в чем дело. Так же молча повернулась, скрылась за дверь. Камила едва успела с изумлением глянуть ей вслед...

«Тураджан-ака приходил к ним вчера вечером», — неотступно билось у нее в сознании. Догадки одна другой мучительнее теснились в голове.

Она очень надеялась, что труд в поле вместе с детьми отвлечет ее от тягостных раздумий. Но не тут-то было. Оказалось, кто здесь: рядом с ним с рассвета дотемна? Все та же красавица, дочь беженца-поляка! Сидит, бессовестная, почти что рядом. Мешки, видите ли, латает.

А сейчас еще и славу Тураджан снискал во всем кишлаке и даже за его пределами. И если парня при ней хвалят, Камила ощущает сложное чувство — отчего-то грусть туманит душу, кажется, что заважничал Тураджан, и ей теперь до него и не дотянуться... Оттого-то и сторонится она его, неохотно роняет при встрече лишь несколько слов, самых незначительных.

Школьники вместе с Камиллой пообедали раньше всех, отдохнули немножко — и снова в поле. Неподалеку от места, где они сидели, за особым дастарханом расположились Сали-аксакал и Опанасенко. В самом деле сдружиться успели старики.

Чуть в стороне от них, где тень от навеса, обедают девушки, среди них Кристина и Манзура. Ох уж и речистая, разбитная невестка у старого скряги Мусы-муллы! Кажется, и живет-то в кишлаке — однако нет такого, чего бы она не разумела, о чем своего мнения высказать не могла. Да и веселая. Собеседницы так прямо и глядят ей в рот. Уже не первый день неподалеку от нее всегда можно видеть уполномоченного, — видно, и ему по душе задорная болтовня никогда не унывающей Манзуры. Оказывается, когда-то в городе они жили в одном квартале, позже и в одной школе учились. А вскоре после того она вернулась в кишлак, за двоюродного брата, дядино сына, замуж вышла. Прошел год, и ее мужа Ташмамата забрали в армию. Манзура осталась беременна. От мужа сперва пришло письмо, потом еще одно — и больше ни звука...

Когда обед у многих приближался к концу, верхом на иноходце подъехал раис-бобо. Председателя уважали — поэтому все, чтобы приветствовать его, поднялись со своих мест. Он поздоровался с людьми, прошел к дастархану бригадира, устало опустил наземь рядом с Опанасенко. Постепенно все вокруг разошлись, каждый на свое рабочее место. Замешкались только Манзура с Кристиной, да еще редкоусый уполномоченный. Он, впрочем, как увидел, что председатель уселся неподалеку, так и отскочил от Манзуры. Тураджан, однако, успел заметить: уполномоченный как будто руку торопливо отнял от ее поясицы... И затем

с виду спокойный, даже чуточку важный, подсел к раису, что-то стал ему говорить с деловым видом. А Манзура так и вспыхнула, сперва смутилась, потом расхохоталась, запрокинув голову...

Почудилось ему или нет?

Минуту спустя Тураджан и успокаивал и одновременно укорял себя. Манзура — женщина веселая, смешливая, это всем ведомо. Ну, пошутила, может, а он сразу подумал дурное... Да и уполномоченный — он же от власти сюда прислан, у него важное дело. Не должно быть ничего подобного за ним...

Но все это запомнилось парню и не давало покоя. А еще почему-то все чаще с тоской поглядывал он теперь в ту сторону, где трудилась на поле Камила со своими школьниками.

12

Солнце только-только показалось из-за гребня гор, а караван, возглавляемый Тураджаном, уже прошел железнодорожный переезд и потянулся городской улицей. Миновали квартал, другой и оказались возле невысоких ворот. Час еще ранний, однако тут уже столпились и пароконные брички с подножками, и арбы на громадных колесах, все груженные зерном. Чуть в сторонке — две-три старые полуторки, в кузовах — зерно без мешков, просто брезентом накрыто. Шоферы тут же — сошлись вместе, дымят, очереди дожидаются. Из тех, кто приехал с арбами, иные сидят по одному, молча, насупившись, другие тоже собрались — галдят кто о чем, смеются, спорят. Шум неумолчный стоит перед воротами. И каждому охота поскорее сдать свой груз да и отделаться, ехать домой. Но весовщик — дородный, широколицый и скуластый, как монгол, строго наблюдает за очередью. А едва завидел караван ишаков — крикнул так, чтобы всем было слышно:

— Давай сюда, кто на ишаках — первыми проходи!

Разом усилился гвалт, со всех сторон закричали:

— Это почему ишакам почет?

— Да ведь я приехал раньше их!

— Ишак ишака чует издалека!..

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо-о! Гы-гы-гы!..

— Тихо! — поднимает руку неумолимый весовщик. — Без толку горланите. Или невдомек вам, что арба не уста-

нет, коли подождет, а ишак — живая тварь, груз держит на себе. У каждого во вьюках чуть не по восьмидесяти кило, да отмахали тридцать пять верст, а потом еще ждать час или дольше?! Айда, ребята, веди караван!

Тураджан, конечно, рад, что не придется ждать. Но, по правде говоря, не лежит у него сердце к этому весовщику. Больно уж толстый! Однако раздумывать некогда; кроме того, по внешности судить человека не годится вроде бы. Хорошо, что не нужно часами жариться на солнце.

— А ну, Мансур, Андрей, Шурик! — командует он. — Загоняй! Живо!..

Караван во дворе. Теперь мальчуганы — те, что покрепче, — перетаскивают мешки на весы. Это дело не слишком трудное. А вот что тяжело: когда мешки уже взвешены, их нужно на себе тащить по узким длинным доскам наверх складского помещения и там высыпать зерно. Тут прямо-таки ноги подкашиваются. И никому, кроме самого Тураджана, это не под силу — молодцы еще ребята, слабы.

Тураджан из сил выбился вконец, пока затащил и ссыпал все двадцать мешков. Зато дело сделано.

— Давайте расписку, — подступает он к весовщику.

— А, ты еще здесь, малец? — в шутку удивляется тот. — Я было и забыл про тебя... Сейчас подпишу. Вот тебе бумага!

Каравана во дворе уже не видно, ребята вывели его за ворота. Тураджан выходит, садится верхом на головного ишака, взмахом руки велит ребятам следовать его примеру. Караван вытягивается вдоль улицы. И тут навстречу им — точно такой же караван с зерном. Вот оно что! Значит, и в других колхозах решили перенять их начинание... Он сторонится, уводит своих на обочину, чтобы дать дорогу каравану с грузом. Незнакомые ребята с гордостью восседают верхом на своих вислоухих, перекликаются, по сторонам не глядят.

Когда подъехали к переезду, Тураджан вспомнил, о чем задумал накануне.

— Погодите-ка меня здесь, — сказал он ребятам. — Сейчас я вернусь.

Мальчишки удивились, но расспрашивать не стали. А он погнал своего ишака прямо к базару. Привязав его у забора, Тураджан скользнул в раскрытую дверь магазина. За прилавком женщина — очень милостивая. Тураджан остановился. А женщина спрашивает приветливо:

— Ну, паренек, чего тебе?

— Вон... эти сережки сколько стоят?

— Эти? — женщина улыбнулась. — Двадцать пять рублей.

Тураджан отвернулся, живо пересчитал деньги у себя в поясном платке, которые сложил. Так... денег хватит...

— Дайте, пожалуйста.

Продавщица завернула серьги в плотную бумагу. Тураджан отдал деньги, схватил сверток — и бегом из магазина. «Экий петушок!» — подумала продавщица, все так же с улыбкой глядя ему вслед.

...И вот они снова в пути. Солнце, что называется, на высоту трех тополей взобралось. Караван уже на полдороге от города к кишлаку — вышел на берег речки. Притомились ребята, все в пыли — один другого узнать не могут. Ну, а здесь, как всегда, полагается отдохнуть, искупаться. Вмиг попрыгали ребята наземь, разделись — и в воду. Так хорошо, приятно, весело, что и вылезать неохота! Пока они с визгом и хохотом барахтались в неглубокой речке, скотинка тоже малость отдышалась, жесткой травы пощипала на берегу.

А поехали дальше — встретили колхозное стадо, при нем Гыяс-ака с новыми помощниками, Франтишеком и Сергеем. Старый чабан угостил караванщиков холодным айраном из своего бурдюка, что к седлу приторочен.

Скоро достигли хирманов. На сердце у Тураджана — и радость, и смущение. То и дело ощупывает он за пазухой сверток из плотной бумаги. Серьги, о них пока ни звука никому...

На хирмане в этот полуденный час малоллюдно. Неустанно копошатся возле весов Сали-аксакал и Опанасенко. А уполномоченный — у него даже усы выгорели под солнцем — примостился сейчас в тени, под навесом, и что-то пишет на бумажке.

Когда спешились, Тураджан разглядел: возле уполномоченного салфетка разостлана прямо на траве, стоит деревянная плешка, а рядом высушенная кожура скороспелой дыни — хандаляк. Ого, значит, уже поспела дыня! У Тураджана даже слюнки потекли.

Отпустив ребят, Тураджан с порожними мешками пошел к бригадиру.

— А, уже вернулись! Молодцы! — Сали-аксакал приветливо обнял парня за плечи.

— Вернулись. Все хорошо.

— Ну, теперь можно и отдохнуть. Вздремни вон в холодной. Авось добрый сон привидится...

Тураджан вручил уполномоченному расписку о сданном зерне. Тот взял, даже не глянул, опять принялся писать. Парень прошел под навес, скинул телогрейку, разостлал прямо на высохшей траве. Ребята отправились на поле, туда, где школьники подбирают колоски. Поблизости ни души. Он достал из-за пазухи сверток с покупкой, оглядел со всех сторон, погладил, спрятал обратно. Сам прилег на телогрейку. Все-таки умаялся за день... Не заметил, как уснул.

...В самом деле, увидел он в этот раз необычный сон. Будто не на земле, а где-то среди белых пушистых облаков — отец, на коне, тоже белой масти. Скачет отец на коне, и от него убегает, спасается какое-то чудовище, косматое, с рогами — точно пики. А конь словно и не скачет — плывет сквозь облако... Тураджан здесь же, на своем сером ишачке, пытается догнать отца, но не тут-то было. Закричал парень — крика не слышать, облако поглотило. Вдруг на буром облаке увидел он Камилу. Глядит она на него, потом засмеялась — и облако окутало ее. «Камила!» — зовет Тураджан, но нет ответа. Между тем отец на коне догнал чудовище, выхватил саблю да как ударит по рогам! Только звон разнесся...

Парень и проснулся от звона. Это Сали-аксакал ударяет в лемех, людей созывает на обед. Тураджан протер глаза, огляделся. Пшеничной шелухой запорошены руки, лицо... Рядом старик Опанасенко спит себе в тени, фуражкой лицо прикрыл. Уполномоченного не видно. Тураджан вскочил, поспешил к арыку — умыться.

Он долго сидел на корточках у самой кромки берега в зарослях ивняка. Вода здесь прозрачная, дно в камешках. Глаз бы не отрывал! Тураджан задумался: «Что может означать мой сон? Ясно: отец сражается с фашистами, пощады им не дает. А ишак при чем? Как-то мать говорила: видеть во сне ишака — значит, исполнится задуманное. Ну, а Камила почему смеялась? Во сне часто все наоборот, не как наяву...»

Сперва Тураджан не обратил внимания, а потом прислушался: еще кто-то вроде бы есть тут, в зарослях на

берегу арыка. Вот как будто приглушенный женский смех... Или мерещится? Нет, верно, женщина говорит что-то... Он тихонько поднялся, огляделся, шагнул в ту сторону, откуда доносился голос. Так и есть: сидят двое.

— Значит, договорились? — это мужской голос.

— Вай, чудной же вы! Да у меня ведь ребенок...

— Ну и что? Был ваш, станет наш...

— Так вот почему вы не на жатве, не на поле, а все на хирмане? — спрашивает она смеясь.

— Только здесь вас и можно увидеть. А то даже не глядите на меня.

— Ох, больно, разве можно так?!

— А как быть, если вы, точно рыбка, из рук выскальзываете?

— Да ведь бо-ольно... — тянет она с нежностью в голосе.

— Манзура!..

Значит, это Манзура?!

— Хватит, меру знайте! — просит она, похоже, только для виду, сама смеется тихо, залиvisto.

— Манзура...

Больше Тураджан был не в силах слушать — кровь застучала в ушах. Плохо соображая, что делает, он ногой столкнул в арык ком глины. «Вай!» — раздалось в зарослях одновременно со всплеском воды. Секунду спустя Манзура, с горящим лицом, метнулась в двух шагах от Тураджана. И следом за ней — подумать только! — уполномоченный с тараканьими усиками... Выскочил, остановился как вкопанный. А Тураджан, будто ни в чем не бывало, преспокойно ополаскивал водой руки, лицо.

«Значит, верно я подметил вчера, — стучало в сознании. — Значит, не случайно!..»

Люди сходились на обед, слышались голоса, смех. Тураджан молча прошел на свое обычное место, огляделся. Уполномоченный с невозмутимым видом хлебал из миски. А Манзура сегодня тихая, украдкой поглядывает на Тураджана. Страх ее обуял, это ясно. Только зря опасаясь, голубушка! Тураджан не из тех, что разносят сплетни.

Что-то Кристины сегодня не видно. Да, вспомнил: бабушка у нее болеет, вот она и отпросилась... Подойдя к казану, Тураджан получил свою долю похлебки, вернулся, сел, скрестив ноги. На сердце тоскливо... Жаль, что вот уж сколько времени с Камилой не может поговорить. Ту-

раджан поглядел по сторонам. Вон она, сегодня еще дальше обычного, со своими школьниками. Только он посмотрел в ее сторону — и девушка подняла глаза, взгляды их встретились.

Тураджан тотчас вспомнил про подарок, который приготовил для Камилы. На сердце снова потеплело. Теперь нужно вручить сережки.

Он размечтался и не заметил, как люди разошлись по своим рабочим местам. Спыхватился, побежал миску в арыке сполоснул, чаю из бачка налил, торопливо выпил все до дна...

Вот уже и время за полдень. Вчетвером — Сали-аксакал, Опанасенко, Тураджан и Манзура — успели нагрузить полными мешками три арбы. Двадцать мешков, их теперь нужно зашить, управиться дотемна — ведь на хирмане ни лампы, ни фонаря. Здесь обычно задерживается Кристина, а Манзуру пораньше отпускают — маленький ребенок у нее дома.

— Не уставайте, хо-ов! — внезапно разносится над хирманом. Это Байзак-чолак пожаловал на мохноногой лошадке.

— Будь здоров! — отвечает Сали-аксакал, не отрываясь от работы, он нитку силится продеть в иглу. — В добрый час приехал. Как говорится, старик в гости — шурпу хлебать, молодой — землю копать. Ну-ка, принимайся!

— Мешки таскать — не мое дело, это уж точно, — шутит Байзак.

— Ну тогда на-ка вот работу полегче, а то глаза ослабли.

Байзак живо продел нитку, подал бригадиру.

— Ага, у тебя, парень, глаз-то что надо! — похвалил тот и принялся зашивать мешок. — Эх, где мои двадцать пять... В твой-то годы, бывало...

В это время Манзура подозвала Тураджана помочь ей поднять мешок на арбу. Они вдвоем подхватили мешок с двух сторон, ладони парня коснулись ее белых, мягких запястьев. Тяжести мешка он как будто и не почувствовал, зато уловил: бьется, вздрагивает жилка у нее на запястье, горячую кровь гонит... «Никто ничего не узнает!» — молча ответил ей Тураджан. И так ему захотелось еще хотя бы разок притронуться к ее мягким, теплым запястьям, где бьются жилки с горячей кровью...

Стало смеркаться. Сали-аксакал отправил Байзака за Камилой — пусть поможет. Теперь и Тураджану пришлось взяться за иглу. Он работал вместе с девушкой. Только почему-то она не глядела на него. Тураджан не догадывался.

Вот уже время Манзуре отправляться в кишлак. Хотела и Камила уйти вместе с ней, однако Сали-аксакал, прикинув, что еще много дел, стал упрашивать:

— Доченька, останься, еще немного поработай. Вот хоть десяток мешков зашьем...

Солнце наконец-то удалилось на покой. Гыяс-ака стадо с пастбища погнало. Манзура направилась домой, а следом и ребяташки-школьники потянулись вереницей. Камила торспится: хорошо бы уйти еще дотемна. И у Тураджана сердце не на месте. Как же он серьги-то ей отдаст?

Только закатилось солнце, опять жаворонки повели свои нескончаемые звонкие трели. Еще на короткое время поднялся от земли зной, будто из тандыра, в котором огонь догорел, а потом уж полегче стало дышать.

Пожелтело на горизонте зеленовато-голубое небо — и вот уж темнота разливается от края до края. Камила тревожится все сильнее: когда же домой? Ведь до кишлака добрых четыре версты тропками, через промоины, мимо зарослей... Тут и парню-то ходить одному по ночам опасно, не то что девушке...

Работу закончили, когда вокруг было совсем темно — будто черным шатром покрыло землю. Камила глянула на бригадира, и тот все понял.

— Тураджан! — окликнул он. — Вот что, — продолжал он, когда парень молча приблизился. — Бери этого мохноногого и живо Камилу доставь в кишлак.

— Ладно... — только и пролепетал Тураджан. Вот уж не ожидал!

Он подошел к лошади, отвязал, тронул подпругу.

— Эй, ты куда? — вскочил Байзак. Он сидел с уполомоченным над какими-то бумажками.

— Бригадир велел, — Тураджан махнул в сторону хирмана, — Камилу отвезти.

— А-а-а! — заулыбался Байзак. — Нормална!..

Тураджан привязал свою телогрейку позади седла. Сам вскочил на коня, помог девушке взобраться.

Темно, тихо. Лишь невидимые кузнечики стрекочут да порой вскрикивает какая-то ночная птица. Тураджан от-

пустил поводья, лошадка бредет, как ей хочется. Молчат парень и девушка. Нужные слова не идут на ум. Ну, а серьги как же? Отдать молча, ни слова не говоря? Он поднимает руку, шарит у себя за пазухой. А свертка-то и нет! Где же он? Вспомнил: в кармане телогрейки, а на ней Камила сидит.

Лошадь тем временем спустилась в сухое русло, потом выбралась на возвышенность. Камила крепко держится за Тураджана. Он коснулся ее руки. Камила попыталась отдернуть...

— Отпустите руку, Тураджан,— внезапно прозвучал ее тихий голос у него за спиной.

— А если нет?

— Скольких уж ты за руки хватал? — немного помолчав, еще тише выговорила девушка с горечью и обидой. «Видела!» — мелькнуло в сознании.

— Да ведь она же... — он задохнулся, — взрослая она!

— Хм... А Кристина? — голос ее теперь дрожал.

«Ах, вот что! Ревнует!.. Глупая, глупая! Да если бы ты только знала, что мне никто, кроме тебя, не нужен».

— Камила, — сам удивляясь своей решимости, выговорил он. — А ведь скоро мне в армию идти, на фронт.

Она приглушенно вздохнула. И прижалась лбом к его плечу. Он вздрогнул... Минуту спустя почувствовал ее слезы. Она плакала.

— Слушай, Камила... — он повернулся к ней лицом. — Это же не завтра...

Напрасно! Девушка плакала навзрыд. Лошадь вздрогнула, замедлила ход.

Оба не заметили, как из отрочества разом переступили в совершеннолетие. Как внезапно прояснилось, заявило о себе чувство, дремавшее в сердцах у обоих.

Тураджан, повернувшись, осторожно прижал девушку к груди. Она не противилась.

Лошадка между тем, предоставленная своей воле, потихоньку добрела до кишлака. И тут заржала во весь голос: дескать, путь окончен! Послышался лай собак и голоса ребятишек.

— Ашалол! — доносилось откуда-то.

— Ашало-ол! — вторил другой голос.

Это Сергей с Франтишеком. Запомнился обоим тот вечер, когда неожиданная сытость пришла к ним в дом, решили поиграть.

...Камила высвободилась из объятий, неслышно соскользнула наземь и побежала. Тураджан глядел ей вслед, потом внезапно вспомнил: сережки!.. Пустая голова, забыл, чтоб тебе!.. Разгневанный, огрел плетью лошадь, та сорвалась в галоп...

Он еще не понял, что каждому из них в этот вечер жизнь вручила подарок, драгоценнее которого нет ничего на земле.

СОДЕРЖАНИЕ

Верность избранной теме. П. Шермухамедов	3
Жаркий месяц *. Перевод А. Зырина	5
Домбра старого Суюма. Перевод С. Волгина	93
В родном Каркарали. Перевод С. Волгина	199

* © Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1976 г.

Насыр Фазылов

ЖАРКИЙ МЕСЯЦ

Повести

Перевод с узбекского

Редакторы В. Шевченко, Р. Москалева

Художник В. А. Апухтин

Худож. редактор А. Бобров

Техн. редактор Э. Саидов

Корректоры: В. Кива, Т. Красильникова

Сдано в набор 19/VIII-1975 г. Подписано в печать 28/VII-76 г. Формат 84×108^{1/2}.
Печ. л. 9,0. Усл. печ. л. 15,12. Уч-изд. л. 15,76 + 0,03 вкл. Тираж 15000. Издатель-
ство литературы и искусства имени Г.Ф. Гуляма Ташкент. Навои. 30. Договор
№ 77-75.

Отпечатано в типографии имени Морозова Госкомитета Совета Министров УзССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли на бумаге № 1. Самарканд,
Кузнецкая 82. Заказ № 5460.

Набрано и откорректировано на Головном предприятии республиканского произ-
водственного объединения «Полиграфкинига» Госкомиздата УССР, Киев, Довженко, 3
Цена 56 к.